

Р 24
Р 34819

А. Даскин
М. Слободской

Звезда экрана

„Искусство“

А. РАСКИН
М. СЛОБОДСКОЙ

ЗВЕЗДА ЭКРАНА

*КОМЕДИЯ В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ,
ШЕСТИ КАРТИНАХ*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ИСКУССТВО“
Москва 1945 Ленинград

Редактор М. Горячкина

Сбложка художника В. Смирнова

Техн. редактор А. Сидорова

А-24850. Подп. в печ. 12/XI 1945 г.

„Искусство“ № 241. Кол. печ. л. 4.

Уч.-изд. л. 4,25. Зн. в 1 п. л. 42500.

Тираж 5000. Заказ 950. Цена 4 р. 25 к.

Тип. „Красный печатник“, Москва,
ул. 25 Октября, д. 5.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ирина Петровна Никитина — научный работник.

Иван Николаевич Мельников — профессор.

Виктор Иванович — его сын, доцент.

Аркадий Михайлович — режиссер кино.

Голя — его помощник.

Дядя Леня — актер театра оперетты.

Вера Шатрова — его племянница, актриса.

Директор театра оперетты.

Людмила Казимировна — премьерша.

Полная актриса — ее подруга.

Маргарита Львовна — родственница Никитиной.

Бубенцов — работник хозяйственного отдела института.

Капитоныч — гример киностудии.

Шофер института.

Гости Мельниковых, актеры театра и киностудии, блондинки.

Роли Никитиной и Шатровой исполняются одной актрисой.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Прощенным

Еще до открытия занавеса звучит вальс. Живописный занавес и площадки с левой и правой сторон сцены представляют собой уголок новой Москвы в один из солнечных весенних дней.

На площадке слева — часть дома, где живет Никитина. Слева за сценой — шум подъехавшей машины. Входит Ирина Петровна Никитина. За ней шофер с небольшим чемоданом. На чемодане иностранные багажные наклейки.

Никитина (*возмущенно продолжая*). Это невыносимо! Вы видели? На аэродроме, когда я собираласьчихнуть, мне подсунули мик-

рофон, в вестибюле аэропорта устроили иллюминацию...

Шофер (робко). Это магний, товарищ Никитина.

Никитина (резко). Я знаю, что это такое. А по дороге? Этот нахал! Вы заметили— он гнался за нами на своем «Виллисе»... У светофора он меня разглядывал, словно я экспонат какой-нибудь...

Шофер (почтительно). Научная знаменитость, товарищ Никитина. Каждому интересно посмотреть! (Ухмыляясь.) Ну, ничего, от Пушкинской я тоже дал газку. Он отвалился, как миленький.

За сценой шум машины.

Никитина. На площади Маяковского он даже пытался со мной заговорить. Это чорт знает что!.. Идемте! (Направляется к подъезду.)

Слева вбегает взволнованный молодой человек в сером спортивном костюме, светлом плаще и коричневой шляпе. Это Аркадий Михайлович.

Аркадий Михайлович. Боже мой, какая глупость! (Никитиной.) Одну секунточку!

Никитина (оборачиваясь). Вы?! Опять?

Шофер (горестно). Догнал!..

Аркадий Михайлович. Ради бога извините! Произошло нелепое и смешное недоразумение...

Никитина (сухо, перебивая). Не вижу ничего смешного!

Аркадий Михайлович. Но...

Никитина. Объяснения совершенно излишни!

Аркадий Михайлович. Но вы должны выслушать. Вы же не можете оставить человека в таком идиотском положении?

Никитина. Могу! (Хочет уйти.)

Аркадий Михайлович (отчаянно). Нет, это невозможно! Неужели у вас нет ни капли юмора? Вы женщина в конце концов или нет?

Никитина. Это не имеет значения! (Очень сухо.) Ну? Что вы хотите сказать? Мне очень некогда.

Аркадий Михайлович. Дело в том, что я режиссер. Работник кино.

Никитина. Тем хуже для кино!

Аркадий Михайлович. Вывод неприятный, но ничего не поделаешь — заслуженный. Я гнался за вами, как мальчишка! Я не знал, что вы уже в Москве. Но, поверьте, я искал не вас, а женщину, похожую на вас. И,

естественно, что, увидев вас, я заметил, что вы так похожи на вас, что я невольно был введен в заблуждение...

Из подъезда выбегают Бубенцов и Маргарита Львовна.

Маргарита Львовна. Ирина Петровна! Я так рада!..

Бубенцов. Товарищ Никитина! Разрешите от имени...

Никитина (*резко перебивая их*). Подождите!.. (*Аркадию Михайловичу.*) Вы все сказали?

Аркадий Михайлович. Нет еще. Вы же не знаете, зачем все это было нужно. Я снимаю фильм, посвященный вам. Мне нужна исполнительница вашей роли. И моя погоня за вами — производственная необходимость. Вот все объяснения, которые я могу дать. Во всяком случае, приношу еще раз свои извинения.

Никитина. Хорошо. Извинения приняты. Теперь, наконец, все?

Аркадий Михайлович. Если вам угодно. Только... неужели вас не интересует картина?

Никитина. Нет. Вздорная затея! Ничего развлекательного в нашей работе нет. Мы зани-

маемся серьезным делом. А вам нужны трюки, красивые выдумки, побасенки!..

Аркадий Михайлович. Побасенки?.. Что ж, может быть.. Но от этих побасенок люди плачут и смеются, на них учатся, ими украшают жизнь! Это большая сила! Любая женщина, кроме вас, хоть немного постаралась бы стать очаровательной, узнав, что ее собираются показать на экране. Любой человек, кроме вас, захотел бы узнать, что именно я собираюсь рассказать о нем миллионной аудитории. Ведь я своими побасенками могу увлечь тысячи юношей и девушек, могу заставить их влюбиться в вашу науку, в ваш институт и в вас!.. Впрочем, нет, в вас я не могу заставить!..

Никитина (сбита с толку). Почему?

Аркадий Михайлович. Предполагаю, что это очень трудная задача. Боюсь, что мне она не по силам!

Никитина. Это что — грубость?

Аркадий Михайлович. Нет, только откровенность!.. Извините, не буду больше отнимать ваше драгоценное время. Всего хорошего! (Вежливо приподнимает шляпу и быстро уходит.)

Бубенцов (пользуясь паузой). Товарищ Никитина, разрешите мне от имени хозяйст-

венного аппарата и общественности нашего института...

Никитина (оборачиваясь к нему, резко). Товарищ Бубенцов, речи на улице неуместны! И вы, Маргарита Львовна, совершенно напрасно выбежали. Вы простудитесь!

Маргарита Львовна. Но я хотела вас скорее встретить и...

Никитина. Я потерпела бы до квартиры. Почетный караул на улице не обязателен. Я не министр!.. (Смотрит на нее.) И потом, что вы с собой сделали? Что это у вас на голове?

Маргарита Львовна (растерянно). Это... это прическа!

Никитина. Очень странная вещь в вашем возрасте... Сюда, пожалуйста, товарищ водитель!

Никитина и шофер с чемоданом уходят.

Маргарита Львовна (Бубенцову). Ну? А вы все говорили: Лондон... Лондон...

Бубенцов (со вздохом). Да-а! Англия слаба против ее характера!

З А Н А В Е С

Картина первая

Киностудия. Комната съемочной группы, работающей над фильмом о Никитиной. На маленьком столике — лабораторная посуда, на письменном столе — три пары обуви.

За столом режиссер Аркадий Михайлович разговаривает по телефону. Здесь он хозяин. Разговаривая, одновременно просматривает сметы и эскизы. У стола стоит Толя, помощник режиссера, студент-практикант из института кинематографии. Очень скоро мы замечаем, что Толя старается подражать Аркадию Михайловичу.

Аркадий Михайлович (в трубку). Не торгуйтесь, друг мой! Нехорошо быть таким мелочным... Что?.. Да, мне нужно два миллиона и ни копейки меньше. (Толе, тихо, отодвигая эскиз.) Это переделать!.. (Снова в трубку.) Вы ошибаетесь, друг мой, это немного. В «Старом Чикаго» один пожар стоил почти столько же. Не спорьте — я помню все сметы. У Эйзенштейна только на суточные и на гостиницу боярам ушло... Что? А кокошники? А терема? (Толе.) Это что?

Толя. Образцы. Для эпизода «Весенние ноги».

Аркадий Михайлович (расписывается на подошвах). Утверждаю!.. (В трубку.) Да, да, слушаю... Знаете, что по этому поводу

писал Чарли Чаплин? «Для того, чтобы показать нищету, нужно потратить миллионы»... Что? Он этого не писал?.. Простите, друг мой, он вам этого не писал, а мне писал. И довольно об этом, споры ни к чему не приведут. Вы же меня знаете. Да, и не забудьте, что к пятнадцатому числу я просил построить Лондон. Распорядитесь. Пока! Желаю счастья!.. *(Кладет трубку.)* Толя, вы договорились насчет консультанта?

Толя. Да, я сам был в институте. Подобрал кандидатуру.

Аркадий Михайлович. Хорошо. Объявление с фотографией Никитиной дали в газету?

Толя. Сегодня напечатано. Блондинки идут толпой. Каждая говорит, что она похожа.

Аркадий Михайлович. Посмотрим. *(Пододвигает папиросы.)* Курите, Толя...

Толя берет папиросу, закашливается.

Ну, как у вас дома? Война с соседями прекратилась?

Толя. Да. Совершенно необъяснимая перемена.

Аркадий Михайлович. Соседку, вероятно, не узнать? Да? Она ходит на цыпочках, называет вас Анатолий Сергеевич, стре-

мится вымять ваши калоши и ослепляет вас нежными улыбками? Она вам не говорила, что у нее случайно есть лишний билет, но не с кем пойти в театр?

Толя. Говорила! Но откуда вы знаете? Произошло какое-то чудо. Ведь всего месяц назад она шипела, как змея.

Аркадий Михайлович. Чудес на свете не бывает, друг мой. Месяц назад вы были только студентом, а сейчас вы помощник режиссера. Она хочет сниматься.

Толя. Эта ведьма? Не может быть!

Аркадий Михайлович. Может! Все может быть! Вы не знаете, что такое кино. Теперь никто вам не будет возражать, женщины будут вам улыбаться, мужчины будут хлопать вас по плечу, старики будут просить у вас совета, а наученные мамой детки будут проситься к вам на ручки. Отныне будьте стойким, друг мой! Закаляйте свой характер! Относитесь ко всему критически!

Толя. Неужели все хотят сниматься?

Аркадий Михайлович. Все! Впрочем, есть одно исключение — Никитина. Но это вообще сушеная акула. Исключения только подтверждают правило... Ну, ладно... (Отодвигает бумаги.) Блондинки у нас с двух?

Толя. Да.

Аркадий Михайлович. Пока посмотрим вставные номера. Есть кто-нибудь?

Толя. Есть — двое из оперетты.

Аркадий Михайлович. Просите!

Толя (открывает дверь). Прошу вставных. Входят дядя Леня и Вера — миловидная, скромная брюнетка. Дядя Леня держится непринужденно, Вера крайне смущена.

Аркадий Михайлович (дяде Лене). А-а, старый знакомый. Здравствуйте, дядя Леня.

Дядя Леня. Привет, Аркадий Михайлович! Знакомьтесь, это наша артистка, Вера Георгиевна Шатрова.

Вера. Здравствуйте...

Аркадий Михайлович (Вере). Так! Вы, конечно, еще не снимались, но все подружки говорили вам, что у вас очень фотогеничная внешность и хорошие данные? Правда, в театре вы еще не играли больших ролей, но это, конечно, исключительно интриги, и в кино вы безусловно справитесь с любой задачей?

Вера. Я, собственно...

Аркадий Михайлович. Я знаю, знаю! Вы согласны для начала сняться в эпизоде, а потом я сам увижу, что вы способны на большее. (Неожиданно.) Э-э, нет! Вот это плохо! Не так, совсем не так!..

Вера (*растерянно*). Что не так?

Аркадий Михайлович. Улыбка. Смущение. Кокетство. Очарование. Все не так!.. Вы играете сейчас кокетливую скромность, но вы переживаете. К чему эти глаза, эти слезы, эти дрожащие губы! Все лишнее. В картине «Свидание» Марлен Дитрих играет смущение на одних перчатках.

Вера (*почти плачет*). Но я... я, честное слово...

Аркадий Михайлович. Уже лучше. Ну ладно. Это потом... (*Дяде Лене.*) У вас новый номер?

Дядя Леня. Да, видите ли, мы решили попробовать...

Аркадий Михайлович (*перебивая*). Ясно! Покажите.

Дядя Леня. В этом номере мы хотели синтетически...

Т.о.л.я. Не задерживайте нас, друг мой. Начинайте, мы все увидим.

Идет эстрадный номер — дядя Леня за роялем играет и поет. Песенку подхватывает Вера. Она поет и танцует. Звонит телефон.

Аркадий Михайлович (*тихо в трубку*). Да. Хорошо. Читайте...

В дальнейшем он следит за номером Веры и одновременно слушает то, что ему читают по телефону. Он

кивает, улыбается. Говорит: «Да... да... так... Отлично...
Очень хорошо». Вера счастлива.

(Вере, прикрыв трубку.) Тише, пожалуйста. Ничего не слышно!.. (В трубку.) Да-да, я слушаю.

Вера перестает танцевать.

(Положил трубку.) Знаете, очень хорошо. Свежо, непосредственно, энергично!..

Толя. Темпераментно!

Дядя Леня. Значит, вам понравилось?..

Аркадий Михайлович. Безусловно!

Толя. Конечно!

Вера. А я уже думала, что совсем плохо.

Аркадий Михайлович. Напротив! Совсем хорошо!.. Но, к сожалению, для нашей картины не годится. Так что — извините.

Толя (дяде Лене, поясняя). У нас другая специфика, друг мой, очень жаль!

Вера (совсем подавлена). Извините... До свидания...

Аркадий Михайлович. Желаю счастья!..

Дядя Леня. Ничего не поделаешь — специфика...

Уходят.

Аркадий Михайлович (взглянув на часы). Два часа, друг мой. Просите блондинок.

Толя. Есть!.. (Бросается к портретам на мольбертах. Снимает чехлы. Мы видим три огромных фотопортрета Никитиной — в анфас, профиль и в рост.)

Аркадий Михайлович. Свет!

Толя (включая сильный свет). Готово!.. (Бежит к дверям, распахивает их.) Блондинки, прошу!..

За сценой гул женских голосов.

Не сразу, не сразу!.. По одной прошу! По очереди...

Начинается просмотр кандидаток на роль Никитиной. Толя принимает прошедших осмотр и, вежливо выпроваживая их, впускает следующих.

Аркадий Михайлович (просматривая блондинок). Здравствуйте! Прошу сюда! Улыбнитесь!.. Повернитесь!.. Так!.. (Отмечает что-то в блокноте.) Дальше!.. Так!.. Благодарю вас! Не улыбайтесь!.. Теперь в эту сторону... Все! Спасибо!.. (Следующей.) Добрый день!.. Стойте прямо!.. Подождите кокетничать!.. Вот так!.. Теперь улыбнитесь!.. Хорошо! Дальше!.. (Следующей.) Направо — прошу! Теперь налево!

Толя (одновременно с Аркадием Михайловичем, выпроваживая прошедших просмотр).

Извините за беспокойство. Благодарю вас. До свидания... (Следующей.) Простите. Спасибо... Пока!.. (Следующей.) Очень вам обязан. Прошу прощения... Всего доброго!..

Аркадий Михайлович (безобразно толстой блондинке. Не выдержав). Послушайте, зачем вы пришли? Ведь вы не похожи!

Толстая блондинка. А грим?

Аркадий Михайлович. Грим уже не поможет!.. Следующая... Повернитесь. Вот вы, пожалуй, похожи. Ну-ка пройдитеесь... Так, хорошо. Что вы можете показать?..

Блондинка не отвечает, только обворожительно улыбается.

Почему вы молчите? Ну, что вы хотите показать?

Похожая блондинка (густым, хриплым басом). Я буду петь!

Аркадий Михайлович (в ужасе). Благодарю вас, не надо...

Похожая блондинка. Но...

Аркадий Михайлович. Извините... Следующая!

В это время у дверей Толя задержал блондинку.

Толя (укоризненно). Ай-ай-ай, вот это нехорошо...

Блондинка (гордо). Что именно? Я вас не понимаю!

Толя. Да ну? (Неожиданно хватает ее за прическу и тянет к себе. В руках у него остается белокурый парик. Женщина оказывается темной шатенкой.) Вот что я имел в виду...

Блондинка. Вы нахал!.. (Гордо уходит.)

Толя (ей вслед). А вы эрзац!..

Аркадий Михайлович. Толя, что там у вас?

Толя (смеясь, показывает парик). Маскировочка!..

Аркадий Михайлович (понимающе улыбается). А-а! Давайте дальше, мой друг!

Толя (взглянув в коридор). Пока все, Аркадий Михайлович.

Аркадий Михайлович. Все?.. Печально! Опять ничего подходящего.

Толя. Не огорчайтесь, Аркадий Михайлович. Ведь за два дня найти двойника Никитиной просто невозможно.

Аркадий Михайлович. Если вы хотите работать в кино, мой друг, запомните, что слова «невозможно» не существует. А если вы рассчитываете работать в кино со мной, никогда не заставляйте меня напоминать вам об этом. Декорации кабинета Никитиной готовы?

Т о л я. Вы сказали мне о них только вчера вечером.

Аркадий Михайлович. Совершенно правильно. Это было очень давно, друг мой. Так как же?

Т о л я (отчаянно). Через два часа будут готовы!

Аркадий Михайлович. Вы, конечно, врете. Но я проверю... Если буду нужен — я у художественного руководителя... (Берет со стола папку с бумагами. Уходит.)

Т о л я (один). Ну и нрав!.. (Бросается к телефону, набирает номер.) Филатов?.. Как с вашими декорациями? Что? К вечеру?.. Вы с ума сошли! Когда? Через полтора часа!.. Да. Что? Вот что, друг мой, если вы хотите работать в кино, запомните, что слова «не могу» не существует. Все! Пока!.. (Вешает трубку.)

В дверь стучат.

Да, войдите...

Входят дядя Ленья и Вера.

Дядя Ленья. Извините, мы оставили здесь ноты.

Т о л я. Пожалуйста.

Дядя Ленья роется в нотах.

(Вере, играя занятость, глядя в бумаги.) Садитесь, пожалуйста.

Вера (еле слышно). Спасибо... (Садится в кресло, громко всхлипывает.)

Толя. Что такое?

Дядя Леня (укоризненно). Вера!

Вера (виновато, глотая слезы). Ничего!.. Простите...

Толя (с него соскочила вся официальность). Вы плачете? Не надо! Ну что вы, в самом деле.

Вера (всхлиывая). Простите ради бога. Но я... я так надеялась. В театре я все главные роли знаю наизусть, а играю одних статуй... И в хоре. Я думала, что хоть в кино... но... но (всхлипывает) здесь специ... цифика. Ну скажите, почему я такая несчастная?..

Дядя Леня. Верочка, перестань!

Толя (мягко). Ничего, ничего... успокойтесь... Я постараюсь... Я поговорю в других группах...

Вера (с чувством). Спасибо вам...

Толя (смущенно). Что вы! Пустяки!.. (Смотрит на нее. Она сидит под портретом Никитиной.) Постойте... Ну-ка, идите сюда. (Берет парик и бросается к ошеломленной Вере, загораживая ее спиной от зрителей и от дядя Лени.)

Дядя Леня. Молодой человек, что это значит?

Толя (отмахиваясь). Не мешайте, друг мой!

Дядя Леня. То есть, как это не мешать? Вы...

Толя. Молчите!.. (Отходит от Веры.) Смотрите!..

Вера в белокуром парике. Она стоит среди портретов Никитиной, и бросается в глаза ее поразительное сходство с ними.

Дядя Леня (ошеломлен). Вот это да!..

Толя (срывая трубку телефона). Срочно Аркадия Михайловича, в группу! (Кладет трубку.)

Дядя Леня. Это поразительно!..

Вера. Что все это значит?

Толя. Сейчас увидите... Встаньте так... Нет, лучше так... (Поворачивает выключатель, дает полный свет.)

Входит Аркадий Михайлович.

Аркадий Михайлович. В чем дело, Толя? Я же сказал, что... (Заметил Веру.) Ого!.. Интересно!.. Нет, право, хорошо!.. Ну-ка повернитесь в профиль...

Дядя Леня (победно улыбаясь). Ну? Как насчет специфики?..

Аркадий Михайлович. Это просто чудо... Как же я сразу не заметил?.. (Толе.) Вы молодец, друг мой... Будем пробовать. (Вере.) Благодарю вас. Садитесь, пожалуйста... Вы, надеюсь, понимаете, чего мы от вас хотим?

Вера (искренне). Нет. Я ничего не понимаю!..

Аркадий Михайлович (кивая в сторону портретов). Но вы же удивительно похожи. Поразительно! Возможно, вы подойдете нам на главную роль.

Вера (не веря). Что? На какую роль?

Аркадий Михайлович. На роль Никитиной. Вот только меня смущает ваше амплуа... Вы ведь из оперетты. Чтобы сыграть ученую, одного сходства мало.

Дядя Леня. Она всю жизнь готовилась к драматическим ролям. Но такие ножки, такой голос — сами понимаете, — застряла в оперетте. Верочка, покажи что-нибудь такое.

Аркадий Михайлович. Что вы можете показать?..

Вера (очень робко). Офелию... Нину из «Маскарада»... Жанну д'Арк...

Аркадий Михайлович. Вот очень хорошо — Жанну д'Арк.

В е р а. Сейчас... (Из случайных деталей делает себе импровизированный костюм Жанны д'Арк — плащ, каску. Читает.) «Да! Они сказали мне, что вы все дураки! И что я не должна слушать ваших льстивых слов или верить вашему милосердию. Вы обещали мне пощадить мою жизнь, но вы солгали. Вы думаете, что жить — это просто значит не быть мертвым? О, я не боюсь питаться хлебом и водой; я могу жить на одном хлебе. Пить воду совсем не тяжело, если эта вода чиста. Хлеб не доставит мне печали, и вода не повергнет меня в сокрушение. Но лишит меня небесного света и возможности видеть поля и цветы, сковать мои ноги так, чтобы я никогда не могла снова ездить верхом с солдатами или карабкаться по холмам; заставить меня дышать грязной сыростью темницы и держать меня вдалеке от того, что может опять внушить мне любовь... Все это хуже, нежели пламенная печь, разжигавшаяся семь раз, о которой говорится в библии. Я могу обойтись без моего боевого коня, я могу опять таскать юбку; я могу примириться, что знаменосцы и трубачи, рыцари и солдаты проезжают мимо, оставляя меня позади, как всех других женщин, если только мне можно будет слушать, как ветер шумит в деревьях, как жаворонки поют на заре, как ягнята блеют от холода... Но без всего

этого я не могу жить; и ваше желание отнять это у меня или у любого человеческого существа — открывает мне, что вы действуете по наущению дьявола!..»

Звонит телефон. Не глядя, Аркадий Михайлович снимает трубку и кладет ее на стол.

(Закончив, опять смущенно и робко.) Вот.

Аркадий Михайлович. Великолепно! Вы настоящая артистка!.. Только экран не любит парика...

Толя (горячо). Волосы перекрасим!..

Аркадий Михайлович. Потом, брови, пожалуй, немного широковаты...

Толя (радостно). Выщиплем!

Аркадий Михайлович. Ресницы тоже...

Дядя Леня. Наклеим!..

Толя. Все сделаем!

Аркадий Михайлович (решительно). Ну, что ж, тогда — с богом! (Толе.) Пускайте ее в работу. Пусть немедленно наденет костюм и привыкает к нему. Волосы и лицо обработать сегодня же!.. (Вере.) Поздравляю вас!

Вера. Простите, это значит — я принята?..
Дядя Леня. Конечно, глушенькая...

Аркадий Михайлович. Будем пробовать!

Толя. Будем пробовать, друг мой!.. А сейчас идемте!

Вера. Куда?

Толя. Будем делать вам лицо и голову!..

З А Н А В Е С

Просцениум

За сценой театра оперетты вечером того же дня. В момент начала картины слышатся заключительный пассаж арии, аплодисменты, затем появляется Людмила Казимировна — женщина немолодая и по королевски гордая, как и подобает опереточной премьерше. По сцене пробегают несколько девушек в одинаковых костюмах. Среди них — Вера. Она уже перекрашенная и теперь блондинка.

Вера (*почтительно*). Здравствуйте, Людмила Казимировна!

Людмила Казимировна (*небрежно кивнув*). Привет!..

Входит полная актриса, подруга Людмилы Казимировны, в costume.

Подруга (*глядя вслед Вере*). Ты знаешь, почему Верка перекрасилась и сменила прическу?

Людмила Казимировна. Меня это очень мало интересует.

Подруга. Напрасно. Как ты думаешь, Джульетта была блондинка или брюнетка?

Людмила Казимировна. Блондинка. Но при чем тут Шатрова?

Подруга. Верка сегодня весь день была в киностудии и вернулась оттуда перекрашенной. Тебе это не кажется подозрительным? Ведь ты тоже собираешься играть Джульетту.

Людмила Казимировна (удивленно). Верка? В студии?

Подруга. Точно.

Людмила Казимировна. Этого не может быть!.. Я сама была вчера в студии и мне почти обещали Джульетту.

Подруга. Почти.

Входит Толя.

Толя. Скажите, Шатрова на сцене? Я из киностудии.

Подруга выразительно толкает Людмилу Казимировну в бок.

Людмила Казимировна (не веря себе). Откуда?..

Толя. Из киностудии. Почему это вас так удивляет? Шатрова будет у нас сниматься.

Завтра в 11 она обязательно должна быть у нас. Ее можно здесь подождать?..

Людмила Казимировна. В 11 утра? Да, но я тоже...

Подруга. Людмила, твой выход!..

Людмила Казимировна. (Толе.) Извините... (Идет на сцену.)

Подруга (идет за ней). Ну, что я тебе говорила...

Людмила Казимировна (уходя). Ничего. Я приму меры... Вот подлая!

Уходят. Девушки из кордебалета и Вера выбегают со сцены.

Толя (окликает). Товарищ Шатрова!

Вера (узнав его, приветливо). А-а, это вы! Я вас сразу не узнала. Добрый вечер!

Толя (солидно). Добрый вечер. Вы, конечно, не ожидали так скоро снова увидеть меня, но в кино все делается быстро. Завтра в 11 часов утра вы должны быть в киностудии. Будет читка режиссерского сценария.

Вера. Уже завтра? Но я еще совсем не готова...

Толя. Вы будете только сидеть и слушать. Это всего на два часа... И не вздумайте опоздать, друг мой, кино этого не прощает. Помните, что вы приняты, но еще не утверждены на

роль. Желаю счастья... (Поднимает шляпу, со-
мненно удаляется.)

Вера (ему вслед). До свидания. (Убегает,
чуть не столкнувшись с директором.) Здравст-
вуйте, Андрей Гаврилович!..

Директор (не глядя на нее). Привет!..
(Смотрит на сцену.)

Через секунду входит Людмила Казимировна,
решительная и свирепая.

Людмила Казимировна, вы помните, что завтра
генеральная?

Людмила Казимировна (перебивая).
Нет! Делайте со мной, что хотите,— я завтра
генеральную не пою!.. Мне предлагают в кино
роль Джульетты. Музыкальный фильм. Завтра
первая проба.

Директор. Но...

Людмила Казимировна. Никаких
«но»! Или я вообще уйду из театра.

Директор (яростно). Я тоже уйду!
Уйдемте все! Все! (Неожиданно спокойно.)
Посудите сами: кто завтра будет петь главную
партию в «Ледяной невесте»?

Людмила Казимировна. Пусть поет
Шатрова. Она же готовит все мои роли для
собственного удовольствия. Комсомольская орга-
низация все время говорит, что она — молодой

кадр. Пусть этот кадр и поет. Извините, мне надо переодеться... (Уходит.)

Директор. Шатрова?.. Не понимаю...

Входит Вера в другом костюме.

Шатрова!

Вера (подходя). Вы меня, Андрей Гаврилович?

Директор. Вы приготовили роль «Ледяной невесты»?

Вера. Да...

Директор. Режиссура смотрела?

Вера. Да.

Директор. И с оркестром?

Вера. Да. Я надеялась, может быть, когда-нибудь, на утреннем спектакле...

Директор (торжественно). Не когда-нибудь, а завтра, и не на утреннем спектакле, а на генеральной вы играете эту роль... Поздравляю и надеюсь на вас!..

Вера. Я? Завтра?.. А Людмила Казимировна?

Директор. Она уступает дорогу молодым кадрам...

Вера. Но завтра генеральная в 10 утра, а в... Нет, я не смогу.

Директор. Сможете! Вы же все время хотели сыграть большую роль. Нате, играйте. Поздравляю вас! (Жмет руку, уходит.)

В е р а (одна). Ой, боже мой, что же делать? Завтра здесь и завтра там... И нигде у меня ничего не получится.

Входит дядя Л е н я. Он в цилиндре, во фраке.

Д я д я Л е н я. Ну, звезда экрана, поздравляю!.. Роли прямо посыпались на тебя! (Хочет ее обнять.)

В е р а (отстраняет). Подождите... Завтра в это же время мне надо быть в студии, слушать сценарий. Если я не явлюсь, меня снимут с роли.

Д я д я Л е н я. Вот оно что... Да! Положение сложное...

В е р а (чуть не плача). Выхода нет...

Д я д я Л е н я. Подожди. В кино тебе надо только сидеть и слушать?

В е р а. Да!..

Д я д я Л е н я. Тогда есть выход. Есть!.. Честное слово, я гений, но дирекция этого не понимает!.. (Торжественно.) Завтра ты будешь и здесь и там.

В е р а. Но...

Д я д я Л е н я. Можешь на меня положиться, все будет в порядке. Я, слышишь, я за это ручаюсь!

З А Н А В Е С

Картина вторая

Утро следующего дня. Комната в квартире Никитиной. Маргарита Львовна поливает цветы на окне.

Маргарита Львовна (*напевает*).

...Упадет на яблоню алый свет зари.
Подари мне, милый, на прощанье саблю...
Вместе с острой саблей пику подари.

Бубенцов (*тихо входя*). На что вам пика, Маргарита Львовна? Здравствуйте.

Маргарита Львовна. Ах, как вы меня напугали! Здравствуйте, Василий Наумович.

Бубенцов (*кивая в сторону кабинета, тихо*). Дома?

Маргарита Львовна. Нету! Садитесь, пожалуйста...

Бубенцов (*громко, развязно*). Вот и хорошо!.. А нет ли чего перекусить, Маргарита Львовна? Работаешь, как вол, знаете, жуешь и вкуса не чувствуешь. Только у вас и отдыхаю. (*Садится.*)

Маргарита Львовна. Милости просим, Василий Наумович! (*Накрывает на стол.*) Я так люблю смотреть, когда вы кушаете!

Бубенцов. А я так люблю кушать, когда вы смотрите... Ах, и пивко!

Маргарита Львовна. Конечно. Вы же его любите...

Бубенцов. Вынужден, Маргарита Львовна... Я ведь его не пью, а принимаю. С медицинской целью — для потолстения. Причем с непривычки — пьянею! К полному человеку доверия больше. Вот я и нагоняю вес, мучаюсь... Ваше здоровье!.. *(Наливает ей и себе.)*

Маргарита Львовна. Спасибо... Я немножко... От бессонницы. Представьте, совершенно не сплю. Лежу и мечтаю. Какое-то волшебное томление. Вы не знаете, почему это?

Бубенцов *(с полным ртом)*. Нет.

Маргарита Львовна. И не догадываетесь?

Бубенцов *(так же)*. Нет. Клопы, может быть?..

Маргарита Львовна *(возмущенно)*. Что вы, Василий Наумович! Клопы! Фу, какая гадость... *(Жалобно.)* Это не чутко с вашей стороны. Вы же знаете, что я имею в виду совсем другое.

После паузы.

Можно вам задать один вопрос?

Бубенцов. Нельзя! *(Пьет.)*

Маргарита Львовна. Но почему?

Бубенцов. Считаю излишним!

Маргарита Львовна. Но надо же выяснить наши отношения.

Бубенцов (пьет). Считаю преждевременным.

Маргарита Львовна. И молча гибнуть я должна?

Бубенцов. Считаю неуместным. До свадьбы заживет...

Маргарита Львовна (расцветая). До свадьбы?.. Вы сказали это вообще или...

Бубенцов. Совершенно конкретно. До тех пор, пока не поженятся товарищ Мельников Виктор Иванович с Ириной Петровной, все наши разговоры ни к чему... Это категорический факт.

Маргарита Львовна (обиженно). Не понимаю, при чем тут эта свадьба?

Бубенцов (закусывая). Очень просто. Что самое важное для совместной жизни?

Маргарита Львовна. По-моему, любовь до гроба. Когда сердца бьются в унисон.

Бубенцов. А по-моему, квартирная проблема. Когда они поженятся, площадь останется вам.

Маргарита Львовна. Я понимаю. Вы хотите иметь свое уютное гнездышко.

Бубенцов. Угу! Обязательно с газом, с паровым отоплением и в хорошем районе.

Маргарита Львовна. Но ведь их брак давно решен. Вы же знаете, они связаны нежной дружбой со школьной скамьи. Это так романтично! И потом, Виктор Иванович — сама прелесть. Его путь усыпан розами Амура.

Бубенцов. Насчет роз не знаю. Пока что констатирую категорический факт — пожениться никак не соберутся. Уже лет шесть прицеливаются. *(Отодвинулся от стола.)* Спасибо, Маргарита Львовна... *(Смотрит на часы.)* Ну, мне пора... Знаете куда я сейчас?.. В киностудию... От сего числа я — консультант при кино.

Маргарита Львовна. Вы? Это очень интересно. Но какое вы имеете отношение к кино?

Бубенцов. Платят! Дополнительная материальная база. И потом, знаете, есть поговорка: где бы ни работать, только бы не работать!.. *(Хохочет.)*

Слышен звонок.

Ой, она! Лучше уж я через сад. Пока! *(Убегает влево, скрывается.)*

Маргарита Львовна. Скорей, скорей!.. *(Уходит.)*

Шум голосов. Входят отец и сын Мельниковы в сопровождении Маргариты Львовны.

Виктор Иванович. Маргарита Львовна! Маргарита Тигровна! Маргарита Леопардовна! Ручку! (*Целует ей руку.*) Искренне рад видеть вас!

Маргарита Львовна. С приездом вас, Виктор Иванович! Иван Николаевич, присядьте, прошу вас...

Иван Николаевич (*сидясь*). Благодарю, Маргарита Львовна. Вот, полюбуйтесь на молодое поколение. Изволят отсутствовать по году, а, прибыв во-свояси, домой и глаз не кажут... Знаете, где его встретил? Здесь, на лестнице. Случайно!

Маргарита Львовна. Виктор Иванович! Что я слышу?

Виктор Иванович. Виновен. Однако заслуживаю снисхождения. Честное слово, я только полчаса в Москве. (*Замечает цветы.*) Ага, новость в этом доме! Красиво. Это что? Флоксы, кажется?..

Маргарита Львовна. Да... Извините, я уберу здесь... Ирина скоро будет.

Виктор Иванович. А как она вообще?

Маргарита Львовна. Все так же. (*Невольно вздыхает.*)

Виктор Иванович. Угу! Понятно! (*Грустно напевает.*) Ах, Маргарита Ягуаровна! Ах! Ах! (*Подчеркнуто вздыхает.*)

Маргарита Львовна (смутившись). Я, право, не понимаю вас. (Выходит с бутылками.)

Иван Николаевич. Поет, прыгает на одной ножке, дразнится! Сущий мальчишка. А ведь ты все же...

Виктор Иванович (перебивая). Знаю, знаю — кандидат наук, старший научный сотрудник, инженер-полковник... Все знаю, но ничего не могу с собой поделатъ. Очевидно, дурная наследственность. Вот скоро стану генерал-майором, заведу адъютанта, тогда остепенюсь. Он будет за меня ходить на футбол, играть с мальчишками на улице, знакомиться с девушками.

Иван Николаевич. Должен тебе сказать, что в твоём возрасте я не только сам знакомился с людьми, но уже знакомил с ними свою жену. Да-с.

Виктор Иванович (в тон). Должен тебе сказать, что в твоём возрасте я, может быть, и женюсь на Ирине, но уж никак не раньше. Нет-с.

Иван Николаевич. При чём здесь Ирина? Я вообще говорю.

Виктор Иванович. Ах, вообще? Превосходно. Поговорим вообще. Видишь ли, я давно хотел сказать тебе, я вообще не соби-

раюсь жениться. Понимаешь, вообще. Не собираюсь.

Иван Николаевич. Я понимаю, не собираешься.

Виктор Иванович. Вот, вот. Если ты понял это, то все остальное понять уже легче.

Иван Николаевич. Возможно. Только как же тогда понять твой визит сюда?

Виктор Иванович. Очень просто. Я хотел сказать все сначала ей, а потом уже тебе. Не моя вина, что получается наоборот.

Иван Николаевич. Я слышал, что объяснение в любви и то уже достаточно сложная история. А ты, кажется, собрался объясняться в нелюбви?

Виктор Иванович. Да, выходит, так.

Иван Николаевич. Как же ты собираешься это сделать? *(В позе.)* Дорогая Ирина, вы, наверно, уже заметили, что я давно вас не люблю? О, я вас не люблю, как сорок тысяч братьев не любить не могут! О, неужели вы тоже меня не любите? О, скажите: нет. Ах, какое счастье! Боже мой, как хорошо не любить и не быть любимым! О!

Виктор Иванович. И все-таки лучше даже такое объяснение, чем картина нашего будущего семейного счастья. *(В роли.)* Та-ра-ри-ра-ра-рам... — Виктор, что с вами? — Ничего.

Я просто напеваю... — Очень бы просила вас в дальнейшем избегать этого бессмысленного и шумного занятия.— Извините, моя радость. Хотите ли пройтись по улице? Вечер такой чудный, подышим свежим воздухом? А? — Откройте форточку, мой друг, и дайте мне сосредоточиться.

Пауза.

Ай! Вы с ума сошли! Что вы сделали? — Простите... Я... я вас немного... э... поцеловал... — Чтобы это было в первый и последний раз! Время для поцелуев, я просила вас записать, с 9 до 10 утра и с 11 до 12 вечера...— Извините... я... я... нечаянно... я больше не буду. (Своим голосом.) Нет, спасибо!

Иван Николаевич. Не узнаю я тебя, Виктор. В доме Ирины, в ее отсутствии ты издаваешься над ней. Она твой друг, кажется, да и я тебе не воаг. При чем тут женитьба? При чем Ирина? При чем я?

Виктор Иванович. При чем? А кто в каждом письме на фронт писал мне: Ирина тебя помнит! Не забывай Ирину! Напиши Ирине! Что ты думаешь об Ирине? Ирилла! Ирину! Ирины! Ирине! Ириной! Об Ирине!

Иван Николаевич. Ты — мой сын, Ирина мне, как дочь, и вполне естественно...

Виктор Иванович. Знаешь, отец, вот я был год на фронте. С научно-испытательной целью и все такое, но войну я увидел по-настоящему. Приятного в ней мало. Но дает она большую определенность в мыслях. Если каждая минута может стать твоей последней минутой, то как-то страшно не разобратся до конца даже в самом мелком деле. Когда человек идет в бой, он не думает: может быть, когда-нибудь, как-нибудь, зачем-нибудь я женюсь на Ирине. Он думает короче: люблю! или — не люблю! Так вот, я — не люблю! И хочу, чтобы вы все сразу это поняли.

Иван Николаевич. А я думаю, что ты сам себя до конца не понимаешь. Когда человек основательно продумал и твердо решил, он спокоен и нетороплив. А ты, не поздоровавшись с Ириной, летишь со всех ног прощаться с ней. Встретив меня после года отсутствия, не даешь ни охнуть, ни вздохнуть, ни взглянуть на тебя как следует. Не тут и не так нам нужно разговаривать: каждую минуту может войти Ирина.

Виктор Иванович. Что ж, я буду только рад. Большой зуб нужно вырвать сразу.

Иван Николаевич. В спешке вырывают иногда и здоровый зуб. Ты давно не видел Ирину, посмотри на нее, поговори с ней, про-

верь себя. Прошу тебя, сделай это для меня. А сейчас — домой. И немедленно.

Виктор Иванович. Но!..

Иван Николаевич. Идем, идем. Вечером я приглашу Ирину к нам. Идем! (Почти тащит Виктора Ивановича за собой.)

Виктор Иванович. Как хочешь. (Задержавшись.) Подожди. Что тут в самом деле тишина какая! Тоска! (Включает радио.) Вот, теперь лучше. Идем. Но имей в виду, я на ней не женюсь. Это — твердо.

Уходят. Входит Маргарита Львовна.

Маргарита Львовна. Где же они? Ушли... Что же я скажу Ирине? (Садится в кресло.) А Виктор Иванович все так же мил... (Дремлет.) Ах, как мил... (Спит.)

Входит Никитина. Смотрит, пожимает плечами. Выключает радио.

Никитина. Маргарита Львовна!

Маргарита Львовна (встрепенувшись). А? Что?

Никитина. Не кажется ли вам, что ваша новая привычка спать среди дня испортит вашу новую прическу?

Маргарита Львовна. Я.. У меня бессонница по ночам... Я немного выпила... лекарства... И вот...

Никитина. Ваше лекарство надо пить на ночь. Зачем же днем?

Маргарита Львовна. Я только попробовала... *(Переводит разговор.)* Вы их встретили?

Никитина. Кого?

Маргарита Львовна. Ивана Николаевича и Виктора Ивановича.

Никитина. Вам часто снятся такие интересные сны?

Маргарита Львовна. Нет, право же, они были. Сидели, ждали вас...

Никитина. Допустим. Они просили передать что-либо, оставили записку?

Маргарита Львовна. Нет, просто ушли.

Никитина. Странно. Станный сон. *(Садится, надевает очки, читает книгу. Ей мешает что-то. Осматривается.)* Примите, пожалуйста, это.

Маргарита Львовна. Что?

Никитина. Ну эти вашч... цветы. Они меня отвлекают.

Маргарита Львовна *(покорно)*. Хорошо. *(Унесла, вернулась.)* Ирина, вы знаете, Виктор Иванович великолепно выглядит!

Никитина *(читая)*. Угу...

Маргарита Львовна. Ирина, вы его любите?

Никитина. Угу...

Маргарита Львовна. Безумно?

Никитина. Да, да... *(Громко хохочет.)*

Маргарита Львовна. Что с вами? Что вы, Ирина?

Никитина. Меня всегда смешит эта громоздкая формула... Да вы не поймете... и вообще не мешайте мне...

Маргарита Львовна. Не буду. Только скажите, когда, наконец, вы свяжете ваши судьбы золотыми цепями брака?

Никитина. Золотыми цепями? Какая ерунда! Когда я сочту нужным вступить в брак, я поставлю Виктора Ивановича в известность об этом и надеюсь, что он так же разумно и серьезно отнесется к этому, как и я. Впрочем, какое вам, собственно, дело до этого?

Маргарита Львовна. Никакого, простите... *(Пауза, поет мотив Виктора Ивановича.)* Та-ра-ри-ра-ра-рам...

Никитина. Что это значит?

Маргарита Львовна. Ничего... Я напеваю...

Никитина. Прошу вас в дальнейшем избегать этого шумного и бессмысленного занятия!

Маргарита Львовна. Хорошо. (Пауза.) Простите, Ирина, что сейчас носят в Лондоне?

Никитина (читая). Кажется, цилиндры...

Маргарита Львовна. Как, и женщины?

Никитина. Да, да... Не мешайте, прошу вас.

Маргарита Львовна. Не буду, не буду... ухожу. (Уходит.)

Никитина работает. Звонок. Она уходит.
Входит с дядей Леной.

Никитина. Повторяю, я занята.

Дядя Ленья. Матушка, голубушка, дай хоть слово сказать.

Никитина. Вы уже сказали слишком много слов. Кроме того, я не матушка и не голубушка. И вообще до свидания!

Дядя Ленья (торжественно). Молчите слушайте!

Никитина. Как вы смеете кричать на меня? Кто вы такой?

Дядя Ленья. Как вы смеете выгонять меня? Кто вы такая?

Никитина. Я хозяйка этого дома. Вам пора бы понять это.

Дядя Леня (с достоинством). Я гость этого дома! Я требую уважения к себе! Стыдитесь!

Никитина (мягче). Вы большой нахал или большой чудак. Кто вас приглашал сюда?

Дядя Леня. Судьба!

Никитина. Вам нужны деньги? Сказали бы сразу. (Открывает ящик стола.)

Дядя Леня. Какие деньги? Не нужны мне деньги! Вы мне нужны! Вы!

Никитина (отступая). Что это значит?

Дядя Леня. Взгляните сюда. (Указывает на дверь.) Что вы там видите? Вы видите там девушку, запуганную вами до полусмерти. Она боится войти сюда. И боится уйти отсюда. Счастье всей ее жизни поставлено на карту. Выигрыш зависит только от вас!

Никитина. Что это за бред?

Дядя Леня. Бред? Всмотритесь в нее. Ее лицо вам немного знакомо, не так ли?

Никитина (смотрит). Да, я ее где-то видала. На кого она похожа?

Дядя Леня. Вы видели ее в зеркале. Она похожа на вас. Это молодая актриса Вера Шатрова. Она — самая счастливая актриса в мире. Ее пригласили на две главные роли — в кино и в театре. И она самая несчастная актриса в мире — ей надо быть в 11 часов одновременно

и в кино и в театре. Она должна сниматься в картине, посвященной вам. Если она не будет сегодня в студии, дело может сорваться, и такой случай, который бывает раз в жизни, пройдет мимо.

Никитина. Все это очень трогательно, но при чем тут я? *(Иронически.)* Может быть, вы хотите, чтобы я поехала вместо нее в театр?

Дядя Леня. Нет, в студию. В театр она поедет сама!

Никитина. Что?

Дядя Леня. Все очень просто. В театре ее все знают и там ей надо нынче петь. А в студии она была один раз и ей надо только прослушать сценарий. Машина вас отвезет и машина вас привезет. Я буду с вами все время. Никто ничего не заметит. Для вас это потеря двух часов, а для Веры все будет потеряно, если вы не поедете. Хотите, я на колени встану. *(Встает на колени.)* Матушка, не погуби! Голубушка, заставь бога молить! *(За дверь.)* Да войди ты, Вера, не бойся!

Никитина *(очень спокойно)*. Прекратите этот балаган! И вы хоть минуту могли думать, что взрослый человек, уважающий себя и свои занятия, согласится на ваш челепый маскарад? Вы дожили до седых волос и

ничему не научились. Немедленно оставьте мой дом!

Дядя Леня (вставая, громко). Да погоди ты, Вера, постой. Куда кинулась? (Никитиной.) Что вы говорите, подумайте. Человек тонет, а вы проходите мимо! Ребенок просит глоток воды, а вы проходите мимо! Старик становится на колени, а вы проходите мимо! Женщина, где ваше сердце? Нет, вы не любите! И кто вас полюбит такую? Безумец! Мне жаль его! (Видит сильное впечатление от этих слов у Никитиной.) Простите, я сам не знаю, что говорю. Эта девушка мне, как дочь...

Никитина (резко). Уходите сейчас же! Сейчас же! (Уходит.)

Дядя Леня. Постойте, не сердитесь! Эх, пересолил! Сам все дело испортил, увлекся, к горлу подступило. (За дверь.) Да войди же, Вера, не съест она тебя.

Вера (входя в плаще). Дядя Леня, пойдемте, милый, я не могу. Вы сами видите, что она не поедет. Мне так стыдно, уйдем скорей...

Дядя Леня. Почему тебе стыдно? Ей должно быть стыдно! Мне должно быть стыдно, что не уговорил эту ведьму! А тебе стыдиться нечего. Да нет, матушка, нет, голубушка, я так просто не уйду. (Идет за Никитиной.) Я тебя везде достану!

Вера. Дядя Леня, пойдём... Куда вы?
Дядя Леня (вдохновенно). Вера, слушай
меня! Ты войдешь сейчас к ней!

Вера отшатывается.

Да, да, к ней. И будешь извиняться за меня и за себя. Это заставит ее слушать тебя. Ругай меня на чем свет стоит. Потом скажи, что для тебя значит эта история. И проси, по-женски проси, понимаешь? Мягко, без нажима, но так, чтоб отказать нельзя было. Ты — актриса, черт возьми! Представь, что это пьеса. Ты должна ее победить! Играй! Я верю в тебя! Чем мы рискуем? Иди! (Стучит в дверь и вталкивает туда ошеломленную Веру. Прислушивается к разговору.) Так. Молодец, Вера! Ну! Давай! Давай! (Испуган.) У-у, какие пошли слова-то. Старый дурак! Это она про меня. Наглая девчонка! Это она про нее. Плачь, плачь скорей, Вера... Так, очень хорошо, блестяще. Да она не играет, она по-настоящему плачет... (Шередразнивая.) «Прекратите этот вой!» Умеет утешить, ничего не скажешь!.. (Шоспешно отскакивает от двери и принимает независимую позу.)

Быстро входит Никитина.

Никитина. Это вы вскружили ей голову
вашей нелепой выдумкой! Я не выношу слез!
Понимаете, не выношу! Уведите ее сейчас же!
(Скрывается.)

Дядя Леня. Нет уж, я подожду! (Слу-
шает.) Тихо что-то. Не загрызла ли она ее?!
(Слушает.) Нет, говорят... ничего не слышно...
Опять что-то говорят... замолчали... Молчаг...
опять молчат... Да что там такое?.. Отказала!

Из комнаты медленно выходит заплаканная Вера.

Вера (улыбаясь, сквозь слезы). согласи-
лась!

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина третья

Ателье киностудии. Операторы снимают музыкальное ревью. Входят мрачная Никитина и дядя Леня.

Режиссер (командует). Конец пуска!
(Актерам.) Благодарю вас! (Громко всем.)
Перерыв!..

Яркий прожектор гаснет. Танцоры смешиваются с толпой.

Дядя Леня. Ну вот, теперь можно пройти, Ирина Петровна. (Кивнув в сторону декорации.) Видали — это музыкальная комедия.

«Она поет о любви». Смотрите, смотрите — Лермонтов!

Актер в гриме Лермонтова (проходя, мурлычет).

Выходила на берег Катюша,
На высокий берег, на крутой.

Здравствуйте, дядя Леня!

Дядя Леня. Привет, Михаил Юрьевич!
(Ведет Никитину через сцену. Другому актеру.)

А-а, добрый день! Как дела?

Актер в гриме Гитлера. Гитлер карут!
Бухгалтерия все деньги боярам роздала... (Наполеону.) Так что вы говорили?..

Актер в гриме Наполеона. У нас гвардию срезали... Увидите, у вас то же самое будет... (Проходит.)

Толя (вбегая, деловито). Товарищи, товарищи, освободите место!.. (Никитиной.) Что же вы, друг мой, опоздали на пять минут. Не годится, не годится.

Дядя Леня. Задержались... Вы уж извините, ради бога... Куда нам итти? Где будет читка?

Толя (окружающим). Быстрей, быстрей, товарищи... (Дядя Лене.) Читки не будет!..

Никитина. Не будет?.. Вот и отлично. Значит, я могу ехать?

Толя. Ехать? Куда ехать? Вы с ума сошли! Есть распоряжение ускорить работу. Сце-

нарий прочитаете сами вечером... Будем сразу снимать первую пробу.

Никитина. Пробу? Что вы хотите этим сказать?..

Толя. Не притворяйтесь дурочкой, Шатрова. Сегодня вы будете сниматься. Сейчас. Понятно?

Дядя Ленья (про себя, в ужасе). Вот так фунт!

Никитина (холодно). Вы ошибаетесь. Мне сказали, что я должна слушать сценарий — и только. Не думаете ли вы, что я приехала сюда сниматься?

Толя. А что же вы собирались здесь делать?

Входит Аркадий Михайлович.

Никитина (спокойно, холодно). Я собиралась...

Толя (сердито, перебивая). Вообще, вот что я вам скажу, девушка, перестаньте ломаться и поменьше рассуждайте! Вы будете делать то, что вам скажут!

Никитина (еще сдерживается). Позвольте вам заметить, что вы разговариваете совершенно непозволительным тоном. Кроме того, у меня есть имя, отчество и фамилия. Меня зовут Ирина Петровна Никитина.

Дядя Леня (*поспешно*). Вера Георгиевна...
Аркадий Михайлович (*весело*). Bravo! Великолепно! Поздравляю вас! (*Толк.*)
А вы, между прочим, учтите. друг мой.

Никитина (*холодно*). Благодарю. Но с чем, собственно, вы меня поздравляете?

Аркадий Михайлович. Ну-ну, от меня вы ничего не скроете. Вы, конечно, уже побывали у нее, познакомились, присмотрелись и входите в роль. Знаете, очень похоже. Молодец. вы не теряете времени!

Никитина (*возмущенно*). Но я...

Дядя Леня (*перебивая*). Не скоомничай, Верочка! Не отказывайся! Да, да! Она теперь все время — в образе... Вживается в роль. Вы знаете, я даже сам ее не узнаю!..

Аркадий Михайлович. Ничего. Это полезно. (*Никитиной.*) Ну? Как она вам понравилась?..

Никитина (*смүтившись*). Кто?..

Аркадий Михайлович. Ирина Петровна Никитина. Не правда ли жуткая особа?

Никитина (*неопределенно*). Нет, почему же, собственно...

Аркадий Михайлович. Нет, нет! Это сушеная акула! Это ледяная сосулька! Это таблица логарифмов в юбке! Вы заметили, какие у нее глаза?

Никитина (опешив). Н-нет. Кажется, немного близорукое.

Аркадий Михайлович. Если бы только это! Отсутствующие! Она смотрит на вас и вас не видит. А походка! Ать, два, ать, два... Марш почетного караула!.. Умоляю, друг мой, ради бога не увлекайтесь этим. Я понимаю, что для артистки соблазнительно сыграть такой, как бы это сказать, сочный характер, но мы не можем нести это с экрана. Нет, у нас будет другая Никитина. Мы с вами ее исправим...

Дядя Леня удерживает Никитину.

Друг мой! Вы еще не знаете, что может сделать искусство. Оно украшает, обогащает и преображает жизнь!.. Ну, начнем работать. (Смотрит на Никитину.) Боже мой! Что это такое?

Никитина (оглядывая себя. Недоуменно). Что именно?

Аркадий Михайлович. Что вы с собой слелали? Вы сегодня совершенно не похожи... Толя, немедленно гримера!..

Толя. Есть!.. (Убегает.)

Никитина. На кого я не похожа?..

Аркадий Михайлович. На Никитину, конечно. Совершенно ничего общего! Вы

своевольничаете, Шатрова. Кто вам разрешил делать себе такое лицо?..

Никитина. Ну, знаете, это уже слишком... Во-первых, я не...

Дядя Ленья (поспешно). Верочка, Верочка, не спорь! Со стороны виднее... (Подмигивает, делает умоляющие гримасы.) По-моему, тоже ты сегодня какая-то другая...

Входят Толя и гример Капитоныч.

Аркадий Михайлович. Капитоныч, идите сюда. Посмотрите, что она с собой сделала!..

Капитоныч (обстоятельно разглядывая Никитину). Да-а... сходство утеряно. Линия бровей не соответствует оригиналу. И потом носичек у товарищ Никитиной будет совершенно иной конфигурации...

Никитина. Ручаюсь вам, что нет на земле человека, похожего на Никитину больше, чем я!

Толя. Какое нахальство!

Аркадий Михайлович. Однако вы самоуверенны, Шатрова!..

Капитоныч (мягко). Вы ошибаетесь, молодой товарищ. Вы только посмотрите, как у вас сделано лицо. Грубая, кустарная работа... Но мы сейчас все исправим... Вставим в нос

тампончик, пройдемся по всему личику. Прошу — ко мне!

Никитина. Я уже сказала, что достаточно похожа без ваших тампончиков. Оставьте меня в покое!

Аркадий Михайлович. Шатрова, перестаньте капризничать. Это несколько преждевременно, друг мой. Идите!..

Дядя Леня. Иди, иди... Я с тобой... (Почти силой увлекает ее за Капитонычем.)

Толя. Аркадий Михайлович, вы слишком много ей позволяете.

Аркадий Михайлович (задумчиво). Она держится независимо и смело. Это любопытно. Первый раз встречаю молодую артистку, которая так уверена в себе... Ну, ладно. Где ваш консультант?..

Толя. Наверное, пьет пиво в буфете...

Аркадий Михайлович. Толя, вам не кажется, что ваш консультант того?..

Толя. Нет, почему же?

Входят дядя Леня и неузнаваемая Никитина. Ее одели в красивое платье, наклеили ей ресницы, подгримировали. Она крайне рассержена.

Никитина. Вы только посмотрите, что они из меня сделали. Манекен с витрины! Куклу какую-то!

Аркадий Михайлович. Тише, друг мой, не волнуйтесь. (Смотрит на нее.) Странно, все женщины обожают, когда их делают красивыми, а вы сердитесь!.. Вы просто прелестны!

Никитина. Не нахожу.

Аркадий Михайлович. Ну, вам трудно судить. Сейчас мы узнаем мнение авторитетного человека. (Громко.) Товарищ Бубенцов!

Никитина. Что? Кто?

Дядя Леня удерживает ее.

Толя. Это наш консультант. У него тоже есть фамилия.

Бубенцов (из-за декорации). Иду!.. (Появляясь.) Вот и я! В чем, собственно... (Увидел Никитину, поражен.) Ой, она!.. (Испуганно отступает.)

Аркадий Михайлович (смеясь). Кто она?

Бубенцов. Никитина! (Тихо.) Я этот глаз знаю. Тигр!

Аркадий Михайлович (Никитиной). Вот видите, а вы спорили... (Бубенцову, весело.) Не бойтесь, не бойтесь, это не сам тигр, а только его безобидная копия... Знакомьтесь, артистка Вера Шатрова. (Отходит.)

Бубенцов (приходя в себя). Очень приятно! Поразительное сходство, знаете... Прямо чертовщина какая-то!.. Особенно здорово вы этот сердитый глаз подхватили. Можете мне поверить. Я ведь Ирину Петровну хорошо знаю. Я ее ближайший сотрудник, как сказать, правая рука...

Никитина. Вот как?..

Бубенцов. Представьте! Без меня ни один опыт не обходится.

Никитина. А вы на какой должности в институте?

Бубенцов. Я?.. Собственно... Видите ли, наш институт работает над секретными проблемами. И моя должность тоже не подлежит оглашению!..

Никитина. Ага!.. Понятно!.. Но, вероятно, у вас есть ученое звание?

Бубенцов. А как же! Имеется! Я этот... Кандидат...

Никитина. Кандидат? Каких наук?

Бубенцов. Это, извините, тоже секретно!.. Простите. (Отходит.)

Никитина (тихо дяде Лене). Ну, нет, этого я так не оставляю. Вы знаете, что он у нас делает? Он агент по снабжению... Хорош консультант!

Дядя Лёня (так же). Матушка, голу-

бушка, подождите!.. Потом... Все потом сделаем!..

Никитина. К сожалению, благодаря вам я оказалась в таком положении, что уже безразлично, когда рухнет этот карточный домик — сейчас или немного позже... Я даже не знаю, что лучше: немедленно все прекратить или продолжать терпеть эти издевательства.

Дядя Леня. Терпеть, голубушка, терпеть лучше!.. Опять же вам виднее, что они про вас думают. Интересно же! А то наснимают такого, потом не распутаешь.

Никитина (посмотрев на Бубенцова). Это, пожалуй, веено.

Аркадий Михайлович. Толя, начинаем... (Зовет.) Товарищ Шатоова!

Дядя Леня (тихо). Ну! Это же вас!..

Никитина. Ах, да... (Аркадию Михайловичу.) Слушаю...

Аркадий Михайлович. Сейчас мы попробуем пройти кусок — «Никитина за работой». Прошу сюда. Свет!

Мы видим декорацию — кабинет Никитиной. Всего слишком много: таблиц, книг, лабораторной посуды, цветов.

Никитина. А что это должно изображать?

Аркадий Михайлович. Это ваш кабинет...

Никитина. Это?.. Эта посудная лавка? Этот ботанический сад?.. Этот склад рухляди?.. Какая чепуха! Тут же невозможно работать!.. У меня совсем не такой кабинет!..

Аркадий Михайлович. У вас, конечно, не такой. Это у Никитиной.

Никитина. И у нее не такой.

Толя. Не бузите, Шатрова! Товарищ Бубенцов утвердил декорацию...

Никитина (иронически). Да ну! Сам товарищ Бубенцов? Ну, тогда ничего не скажешь!.. Покоряюсь. (Садится за стол.)

Бубенцов (обиженно). Ваши смешки, между прочим, ни к чему. Тут работают люди не глупее вас и никто не собирается делать пасквиль.

Никитина (закуривая). Не пасквиль! А пасквиль...

Бубенцов. Это мелочь. Важен принцип...

Никитина. Совершенно верно. Только не принцип, а принцип... Что я должна делать?

Аркадий Михайлович (улыбаясь). Если можно, во-первых, прекратить пререкания...

Никитина. А затем?

Аркадий Михайлович. Попробуйте представить себе Никитину за работой. Она сосредоточена. Читает... Толя, дайте что-нибудь почитать... Что это? Сценарий? Хорошо, подойдет и сценарий!.. (Передает Никитиной папку.) Вот... читайте! Делайте заметки...

Никитина (со вздохом). Хорошо. (Открывает сценарий.)

Аркадий Михайлович (закуривая). Сейчас начнем... Вера Георгиевна, можете пока подождать, мы еще не начали...

Никитина (не слушая). Угу... (Про себя.) Нет, это невозможно! (Делает пометку, на полях.)

Аркадий Михайлович (заинтересовался). Шатрова, я вам говорю...

Никитина (так же). Да, да... (Читая, закуривает.)

Дядя Леня (отчаянно). Вера, Вера... довольно!..

Аркадий Михайлович (останавливая его). Подождите... (Следит за Никитиной.) А знаете, хорошо. Естественно!.. (Живо.) Так и будем пробовать... Камеру!

Толя. Есть!..

Аркадий Михайлович. Вот только, пожалуй, кусать карандаш это старо... Это уже было.

Бубенцов. Я только что хотел это сказать. Шатрова, выньте карандаш изо рта!

Никитина (так же). Оставьте меня в покое!..

Бубенцов. Но Никитина не может кусать карандаш!

Никитина (читая). А у нее как раз такая привычка...

Бубенцов. Мало ли какие у нее привычки... (Авторитетно.) Это нельзя нести с экрана в широкие зрительские массы, а то все начнут покусывать ручки, карандаши и другие предметы. Наоборот, покажем зрителю, что Никитина бережет карандаш, как свое орудие производства...

Никитина. Не мешайте!.. (Читая.) Ну и ну!

Бубенцов (сердясь). Послушайте, ваши полиместические наклонности не доведут вас до добра. Это категорический факт!

Никитина. Не полиместические, а полемические...

Бубенцов. Я с этой особой работать отказываюсь! У нее никакого понятия об научной дисциплине. Из нее Никитина никогда не получится, это я вам гарантирую.

Никитина. Не гарантирую, а гаранти-

рую... (Делает последнюю пометку.) Ну, это уже слишком!.. (Встает.)

Аркадий Михайлович (резко). Садитесь, Шатрова! Продолжайте!.. У нас нет времени для дискуссий. Сейчас будем снимать...

Никитина (решительно). Вы ошибаетесь. Сейчас мы снимать ничего не будем!

Дядя Леня (в ужасе). Вера...

Никитина. Помолчите!.. (Аркадию Михайловичу.) Все, что я прочитала в этом сценарии, смешно и наивно... Вы вместе с вашим безграмотным консультантом,— я надеюсь, вы заметили, что он абсолютно безграмотен,— хотите сделать из меня... то есть из Никитиной, конечно... эффектную куколку, пустышку. Вы обо всем позаботились: нарядили меня в дурацкое платье, натаскали цветов в мой кабинет, наклеили мне ресницы... Все учтено. Все, кроме самой Никитиной... И дело не во мне, я хочу сказать, дело — не в ней... Это частность! Дело в том, что нигде в сценарии, ни в одной детали нет главного, того, что составляет смысл жизни ученого... Ученый — это... это борец! Солдат!.. Да, да, солдат, воин; в тихом, обыкновенном, подчеркиваю, в обыкновенном кабинете он ведет большую войну за счастье людей, за лучшую жизнь, он стремится покорить злые силы природы и разбудить

добрые... И в этот момент он может быть одержим, смешон, рассеян, что хотите!.. Не в этом дело... Прежде всего он воин!.. Вот что я хотела сказать вам (*иронически*), друг мой..

Аркадий Михайлович (*пауза. Спокойно*). Толя!.. Отставить камеру!

Дядя Леня (*в отчаянии*). Все пропало! (*Дрожщими от волнения руками наливает себе стакан воды.*) Аркадий Михайлович, родной, не слушайте вы ее, дуру!.. Девчонка! Сочинила себе роль и не слушает старших! И потом она разволновалась, сама не знает, что говорит! На ней же лица нет! Вы знаете — объявите перерыв! Пусть отдохнет, одумается...

Бубенцов. Чего там одумается. Выгнать — и все!

Аркадий Михайлович (*Никитиной*). Знаете, друг мой, вы очень интересный человек!..

Дядя Леня (*выливает воду из стакана обратно в графин*). Эге-ге!

Бубенцов. Как?

Никитина. Что вы этим хотите сказать?
Аркадий Михайлович. Я сам все время думал как раз о том, о чем вы только что говорили... Но как это показать?

Никитина. Это дело вашего таланта, ва-

шего ума. Ведь ученый, когда берется за новую задачу, тоже еще не знает, как он решит ее.

Аркадий Михайлович. И все же вы правы только наполовину. Вы возражаете против платьев, против музыки, против красоты... Это неверно! Чем больше человек, тем шире, богаче и многограннее должна быть его жизнь. Это не мешает ни строить, ни воевать. Наоборот. Генералы же ходят в золоте...

Никитина. Ну, нет...

Дядя Леня (умоляюще). Матушка... голубушка... не спорь ты хоть сейчас! Ради бога! Мало тебе...

Никитина. Оставьте меня... Я буду спорить, буду... я заставлю их выкинуть эти пестрые тряпки... я...

Аркадий Михайлович. Подождите!.. Я вижу, вы действительно разволновались. Отдохните. (Громко.) Толя, перерыв!

Толя уходит.

Бубенцов. Мне тоже можно быть свободным?

Аркадий Михайлович. Вполне. Вы вообще можете быть свободны... от работы в студии. (Никитиной.) А вас, Вера Георгиевна, я попрошу привести свои нервы в порядок и через час быть в рабочем состоянии.

Никитина. Но...

Аркадий Михайлович. Никаких «но». Вы на работе! И не делайте такого лица, это слишком похоже на Никитину, а потому неприятно... Отдыхайте! (Уходит.)

Бубенцов (растерянно). Это получается полный конфликт...

Никитина. Не кóнфликт, а конфлúкт!.. Поздравляю вас!

Бубенцов возмущенный уходит.

Ну вот что,—с меня более чем достаточно. Я немедленно уезжаю.

Дядя Леня (в испуге). Что вы, матушка. Только все наладилось — и вдруг такие слова. Разве можно? А как же Верочка?.. Знаете, вы подождите, все равно перерыв, а я ее сюда привезу.

Никитина. Но...

Дядя Леня. Вы — золото! Святая женщина!

Никитина. Но...

Дядя Леня. Не скромничайте, не скромничайте... Верочка после театра к вам хотела поехать, пальто завезти.

Никитина. Да, но...

Дядя Леня. Вот и хорошо. Если я ее в

театре не поймаю, я прямо к вам, там ее перехвачу. Не скучайте!.. (Уходит.)

Никитина (одна). Сумасшедший старик! Я тоже не лучше. Какая глупая история!.. Сушеная акула!.. Почетный караул!.. Ать, два, ать, два... (Вдруг ловит себя на том, что этот счет совпадает с ее шагами. Меняет походку.) Глупо!..

Входит Людмила Казимировна.

Людмила Казимировна (преувеличенно приветливо). А, Верочка, здравствуйте..

Никитина (про себя). Новое явление. (Вслух, сухо.) Добрый день.

Людмила Казимировна. Вы уже здесь?

Никитина (сухо). Как будто да.

Людмила Казимировна. Как прошла генеральная?.. Я надеюсь, мое отсутствие не очень бросалось в глаза? Все же такая замена...

Никитина (думая о своем). Нет, нет, никто даже не заметил.

Людмила Казимировна. Однако вы самоуверенны. (Пускает в ход главный козырь.) Между прочим, я только что снималась. Первая проба. Меня пробуют на роль Джульетты.

Никитина (рассеянно). По-моему, Джульетта была значительно моложе...

Людмила Казимировна (зловеще). Вы так думаете?

Никитина (сухо). Это Шекспир так думал. Извините... (Уходит.)

Людмила Казимировна (одна). Ну, этого я ей не прощу!.. (Уходит в другую сторону.)

Входят Аркадий Михайлович и Толя.

Толя. Шатрову можно отпустить?

Аркадий Михайлович. Напротив, друг мой, попросите ее сюда... Кстати, как она вам нравится?

Толя. Ничего. Только свирепая очень.

Аркадий Михайлович. Свирепая? Ну что же, в искусстве да и вообще в жизни это лучше, чем быть слишком ручным... А лирические возможности ее нужно уточнить. Моя Никитина должна быть обаятельна. Курите...

Толя (солидно). У меня, Аркадий Михайлович, такой взгляд на женщин: они должны хорошо готовить, как можно лучше выглядеть и как можно меньше кричать на меня. (Закурив, закашливается.)

Аркадий Михайлович (улыбаясь). Это очень много и слишком мало... Ну,

хорошо. Пришлите Шатрову и скажите, чтобы дали свет в эту декорацию. А кабинет закройте.

Т о л я. Есть!.. (Закрывает декорацию кабинета, убегает.)

Аркадий Михайлович (один). Страшно, вчера она показалась мне более женственной... А сегодня она кажется мне более интересной... (Громко.) Так! Спасибо!

Луч света падает на декорацию, в которой происходила репетиция музыкальной комедии, — красивый зал, рояль. Входит Никитина.

Никитина. Что вам угодно? Перерыв ведь еще не кончился.

Аркадий Михайлович. Кончился... Я знаю, вы будете опять возмущаться, говорить, что час еще не прошел, что вы так не можете, что это бесчеловечно! Все знаю! Но съемки не будет. Я хочу еще пересмотреть сценарий. А сейчас мы с вами пофантазируем.

Никитина. Любопытно. О чем?

Аркадий Михайлович. Все о том же. О Никитиной. (Приглашает к роялю.) Садитесь! Давайте на минуту представим себе Никитину, нет, Ирину Петровну, даже просто Ирину, вне ее работы.

Никитина. Вне работы никакой Ирины не существует!

Аркадий Михайлович. Вот тут как раз вы ошибаетесь. Если Никитина сама этого не хочет замечать, это еще ничего не значит... Вы, конечно, играете на рояле?

Никитина. Когда-то играла немножко...

Аркадий Михайлович. Отлично. Она, конечно, не играет, но нас это не касается. Наша Ирина Петровна будет играть...

Никитина. Но я не понимаю, зачем это вам нужно?

Аркадий Михайлович. Зачем? Я хочу влюбиться в Никитину. Без этого я не смогу сделать о ней картину. А влюбиться в ту сушеную акулу я органически не способен. Играйте!

Никитина (неуверенно). Ну, что же... Если это необходимо... (Играет.)

Аркадий Михайлович (искренно). В этом платье, за роялем вы сейчас удивительно хороши. Играйте, играйте... Только платье надо носить чуть-чуть свободнее, естественнее... Вы как-то скованы в движениях... Вот так лучше. Очень хорошо. До идеала вам нехватает сейчас только одного...

Никитина (продолжает играть, с первой робкой попыткой кокетства). Чего же?..

Аркадий Михайлович. Того, что вы не Никитина.

Никитина (продолжая играть). Да, это очень жалко. Но ничего не поделаешь!

Аркадий Михайлович (недовольно). Что это вы играете? Слишком сухо. Маршеобразно... Сыграйте что-нибудь другое, пожалуйста...

Никитина (продолжая играть). Это моя любимая вещь. Вам не нравится? (Перестает играть.) Вообще оставим этот урок музыки...

Аркадий Михайлович. Почему же, лучше переменим репертуар... (Садится за рояль. Играет, потом начинает петь Никитиной шуточную любовную песенку.)!

Это ее смущает: песенка заканчивается словами
«я вас люблю».

(Закончив песенку.) Право, вы смутились. Это очаровательно!.. Знаете, когда вы забываете, что вы Никитина,— у вас огромное обаяние.

Никитина (сухо). Благодарю вас... Этот комплимент, конечно, относится к моей роли?..

Аркадий Михайлович. Да нет же, к вам, Вера Георгиевна. Ну вот опять — посмотрите, какое у вас лицо!..

Никитина (стараясь переменить разго-

вор). Вы говорили, что я не так ношу платье... Но, уверяю вас, Никитина совсем не носит таких платьев. Она должна в них чувствовать себя неловко. Это естественно.

Аркадий Михайлович. Наоборот, это противоестественно. Она — молодая, красивая женщина, она — образец для тысяч девушек, а вы говорите — естественно. Вздор!.. Ну ладно, оставим это. Скажите мне: «Я вас люблю».

Никитина (неловко). Я вас... люблю...

Аркадий Михайлович. Не верю! Это неправда!

Никитина. Почему неправда?.. (Спохватившись.) То есть, конечно, неправда — я же вас не люблю...

Аркадий Михайлович. И совершенно напрасно. Вы должны меня хоть немножечко любить.

Никитина. С какой стати?

Аркадий Михайлович. Боже мой, вы актриса или нет? Вы должны войти в состояние человека, который говорит такие слова. Вы же не попугай... Снова! Ну!..

Никитина (еще более неловко). Я вас люблю...

Аркадий Михайлович. Никуда не годится! Нет, нет, о любви так банально гово-

ритель нельзя. О любви надо петь! Надо сходить с ума от счастья и муки!

Никитина (тихо). Но, может быть, у нее еще не было такой любви...

Аркадий Михайлович. У кого?

Никитина. У Ирины Петровны...

Аркадий Михайлович. Вполне вероятно. Даже уверен, что не было. Но сейчас я ведь разговариваю с вами, а не с ней. Вы-то, я надеюсь, знаете, что такое любовь... Вы красивая женщина, вы актриса, вы... (Вдруг посмотрел на очень смущенную Никитину.) Послушайте, Вера Георгиевна... Ну, конечно!.. Да, да, не спорьте, вы были влюблены, за вами ухаживали, но любовь... любви не было. Она у каждого своя, и пока она не придет, никто не знает, какая она будет. Мы вольны мечтать, надеяться, предполагать — и только... Я, например... Впрочем, это неинтересно.

Никитина. Напротив, очень интересно. Вы, например?..

Аркадий Михайлович. Я... я жду своего часа с трепетом. Ведь любовь—это когда все, что было прежде, приобретает новый, особый смысл. Вы любите, и теперь вы радуетесь цветам потому, что они красивы, и потому, что они могут попасться ей на глаза! Вы добиваетесь славы, признания, вы стремитесь

создать что-то вечное для блага всех людей и особенно для нее. Вы хотите быть добрым, красивым, сильным и умным, потому что это хорошо вообще и потому что это нравится ей. И поэтому вы воюете, вы идете умирать — за родину, за все, что вам дорого, и особенно за нее... Вы все время помните о ней... вы берете ее за руку, вы смотрите ей в глаза... Вы делите с ней счастье, горе, радости, сомнения... (Сам того не замечая, берет за руку Никитину, смотрит ей в глаза.) И все, что есть хорошего в жизни, становится вдвое лучше, вдвое больше от этого деления, вопреки всем законам арифметики!

Никитина (тихо). Наверно, она будет очень счастлива с вами...

Аркадий Михайлович. Не знаю... (Замечает, что держит руку Никитиной. Отпускает ее.) Впрочем, мы отвлеклись...

Никитина. От чего отвлеклись?

Аркадий Михайлович. От работы... (За резкостью скрывает смущение.) Вы, надеюсь, понимаете, что я не для своего и не для вашего удовольствия пел вам песенки, музицировал и проповедывал... Продолжаем... Итак, мы пробовали кусок «Никитина влюблена»...

Никитина (огорчена, глубоко обижена).

Однако вы очень искренно играете... Особенно последний монолог.

Аркадий Михайлович. Давайте, давайте, друг мой, время идет. Сейчас мы попробуем... Ах, вот — поцелуй! Это есть в каждой картине, в каждой пьесе, но никто этого не умеет делать...

Никитина (*испуганно*). Нет, нет, не надо!.. Я... я устала.

Аркадий Михайлович. Глупости! Мы поработаем полчаса. Толя!

Появляется Толя.

Толя. Есть!

Аркадий Михайлович. Будете целоваться.

Толя. Есть! С кем?

Аркадий Михайлович. Не задавайте лишних вопросов, друг мой. (*Никитиной*.) Вот партнер. Итак, вы любите этого человека. Поцелуйте его. Ну! Начинайте!

Толя (*в испуге*). Можно условно?

Аркадий Михайлович. Можно. Начал!

Никитина. Но я категорически...

Толя (*подходит к ней, грубовато*). Не спорьте, девушка... то есть, Вера Георгиевна. (*Неловкое объятие*.)

Аркадий Михайлович. Не так, не так... Что вы стоите, как пень? Волнуйтесь!

Никитина (холодно). Извините, не могу. Толя. Попробуем еще раз?

Аркадий Михайлович. Нет, у вас тоже ничего не получается. Идите.

Толя (с готовностью). Есть!.. (Уходит.)

Аркадий Михайлович (Никитиной). Идите сюда... (Подходит к ней.)

Она робко идет навстречу.

Не бойтесь, ближе! Вы меня любите!..

Никитина (смущенно). Аркадий Михайлович, я прошу вас...

Аркадий Михайлович. Вот так ничего. Вы смущаетесь — это можно. (Обнимает ее.) Голову сюда... Нет, нет, сюда... Смотрите мне в глаза...

Никитина (робко). Можно условно?

Аркадий Михайлович (сердито). Какие к черту условности! Мы на работе!

Никитина (тихо). Ну, хорошо... (Подставляет лицо.)

Аркадий Михайлович. Зачем вы закрыли глаза? Откройте!.. Вот так... Очень хорошо. Теперь я вижу, что вы действительно волнуетесь...

Поцелуй.

Аркадий Михайлович. Молодец! Теперь вы поняли?

Никитина (*еще в тумане*). Что?

Аркадий Михайлович. Я спрашиваю — вы понимаете?

Никитина. Нет, я ничего не понимаю...

Аркадий Михайлович. Ах, боже мой. Ну, давайте сначала.

Никитина (*испуганно*). Как? Опять? Ни за что!

Аркадий Михайлович. Умоляю вас, друг мой, перестаньте капризничать.

Вбегает Толя.

Толя. Вера Георгиевна, вас к телефону...

Аркадий Михайлович. Она занята...

Толя. Тогда вот что — звонит дядя Леня. Если вы заняты, он просит передать, что задерживается. Неожиданные обстоятельства. Он просит вас подождать.

Никитина (*раздраженно*). Скажите ему, чтобы он поторопился.

Толя. Есть! (*Бежит.*)

Никитина (*яростно*). И скажите ему... Нет, я сама ему скажу!

Толя. Есть!

З А Н А В Е С

Картина четвертая

Дом академика Мельникова. Большая, хорошо обставленная комната наполнена гостями. Справа — небольшая передняя.

Первый гость (*полный, лохматый*). Приятно бывать у Ивана Николаевича. Дом без хозяйки, а так все налажено. Настоечки, доложу я вам!

Второй гость (*худой, ехидный*). Кстати, о хозяйке. Говорят, она тут скоро будет.

Первый гость. Вы это в каком, собственно, смысле, Игнатий Станиславович?

Второй гость. В обоих. В переносном смысле Ирина Петровна скоро будет здесь хозяйкой, а в прямом смысле она нынче должна тут быть, я слышал.

Третий гость (*маленький, робкий старик*). Прошу прощения. Вы, кажется, изволили заметить, что ожидается прибытие Ирины Петровны?

Второй гость. Да-с, ожидается. Самым угрожающим образом.

Третий гость. Так вы извинитесь за меня перед Иваном Николаевичем, а я уж не буду терять ни минуты драгоценного времени. С моим сердцем, знаете... (*Торопливо пробирается к двери.*)

Иван Николаевич. Куда вы, Семен Григорьевич? Что с вами?

Третий гость. Сердце, Иван Николаевич, сердечко пошаливает.

Звонок.

Эх, не успел! Плакала моя головушка!
(Бросается в кресло.)

Волнение среди гостей. Иван Николаевич сам идет в переднюю. Открывает дверь. Входят Виктор Иванович, Вера и дядя Леня.

Виктор Иванович (Вере, шутливо). Ну вот, честь имею представить — Иван Николаевич.

Вера (всерьез, знакомится). Очень приятно. Шатрова...

Иван Николаевич. Что?..

Дядя Леня (Вере, тихо). Тс-с... роли не знаешь!

Вера (неловко, смеясь). Я пошутила...

Иван Николаевич. Что-о? Не может быть!.. (Открывает дверь в комнату и торжественно провозглашает). Товарищи! Произошло невероятное событие: Ирина Петровна пошутила!

Общий недоверчивый ропот.

Виктор Иванович (дяде Лене). Вы простите старика, он совершенно влюблен в Ирину.

Дядя Леня (неопределенно). Да... это очень интересно.

Иван Николаевич (снял с Шатровой пальто, увидел открытое блестящее концертное платье). Нет, это не вы!..

Вера пугается, молчит.

Дядя Леня (спасая положение). Она! Она!

Иван Николаевич. Не верю глазам своим! Значит, вы ее знаете лучше меня?

Дядя Леня (уверенно). Безусловно! Вы ее совсем не знаете!

Виктор Иванович (ошеломлен). Действительно.

Иван Николаевич (дяде Лене). Милости просим!

Дядя Леня. Благодарю. (Виктору Ивановичу.) Давно он ее любит?

Виктор Иванович. С детства.

Иван Николаевич. Ну, вот вам Ирина Петровна собственной персоной! Последние лондонские новости!.. Только, умоляю, не все сразу.

Гости окружают Веру.

Иван Николаевич (тихо Виктору Ивановичу). Ну, что? А ты говорил, не изменилась. Да ее просто не узнать!

Виктор Иванович. Как раз она меня не хотела узнавать. А я узнал ее сразу. Но вы, почему-то, не хотели идти сюда.

Первый гость (крайне растерянной Вере). Ну, как Лондон, Ирина Петровна? Туманчики-то, а?..

Вера (неуверенно). Да... очень все туманно там...

Второй гость (схибно, подмигивая окружающим). Ирина Петровна, очаровательница, вы не узнаете вашего верного раба?.. (Его держат за руку.) Разрешите припасть устами к вашей прелестной ручке?

По лицам гостей видно, что все ждут взрыва.

Вера (кокетливо). Разрешаю... (Протягивает ему руку.)

Второй гость настолько ошеломлен, что не целует руки.

Ну? Что же вы? Припадайте...

Он осторожно целует.

Иван Николаевич (Виктору Ивановичу). Видал! (Вере.) Ирина, я вас не узнаю. Вы ли это?..

В е р а (*пугаясь*). Я... я... А что?..

И в а н Н и к о л а е в и ч. В таком случае да здравствует лондонский туман! Вы возникли из него обновленная и прекрасная, как Афро-дита из морской пены...

Д я д я Л е н я (*Виктору Ивановичу*). Старик-то, а? Просто землю роет!

В и к т о р И в а н о в и ч (*ошеломлен*). Я ничего не понимаю. Абсолютно!..

И в а н Н и к о л а е в и ч (*Вере*). Садитесь, дорогая... (*Усаживая ее*.) Садитесь... и рассказывайте!

В е р а (*в испуге*). Что рассказывать?..

П е р в а я г о с т ь я. Всё, всё!.. Мы сгораем от нетерпенья. Скажите, эту прическу сейчас носят в Лондоне?

В е р а. Мою? Право не знаю...

В т о р а я г о с т ь я. Как сразу виден заграничный материал. И складки совсем другие, и тон, и фактура. А с каким вкусом сшито! Bravo, Ирина Петровна!

В е р а. Но это вовсе не заграничное платье.

В т о р а я г о с т ь я. Знаем, знаем. А скажите, это верно, что чулки уже не носят, а просто красят ноги специальной пастой?

В е р а (*оживляясь*). Представьте себе!.. Мне тоже об этом говорили... Видите ли, эта паста...

Дядя Леня делает ей знаки.

(Спыхватывается.) Впрочем, я не знаю точно. Я специально не интересовалась этим вопросом.

Первый гость. Ну вот, пошли дамские дела! Теперь нам не прорваться. (Первой гостье.) Подожди, Люда, сделай милость!.. (Вере.) Вы лучше скажите-ка нам вот что, Ирина Петровна, — каково там сейчас отношение к нашей стране? В массе так сказать.

Вера. Там?

Первый гость. Да, вот именно...

Вера. Хорошее отношение! Вы думаете они не понимают?..

Первый гость. И в палате лордов?

Вера. А как же! И лорды! Что они — дураки что ли!..

Дядя Леня делает ей предостерегающие знаки.

То есть я хочу сказать, что они достойно оценивают наши военные усилия и чувствуют должное уважение.

Первый гость. Но ведь они тоже серьезно воевали. Их кампания в Европе, их военное производство... Вы, конечно, бывали на военных заводах?

Вера. Я?.. Нет!..

Дядя Леня жестикулирует.

То есть бывала, конечно, но...

Иван Николаевич (Первому гостю). Простите, Платон Михайлович, я знаю, вы сейчас потребуете полный анализ международного положения... Это очень интересно. Но, я надеюсь, по всем этим вопросам Ирина Петровна сделает нам специальное сообщение в институте.

Вера. Конечно, конечно!.. Обязательно!.. В институте!

Третья гостья. А скажите, самолеты-снаряды не разрушили этого чудесного дома, где я когда-то жила? Это знаете где?..

Вера ежится.

Вторая гостья (перебивая). А что идет в театрах? Говорят, Пристли написал новую пьесу?..

Вера (тихо). Господи, какая я глупая... Я ничего не знаю...

Второй гость. Ну вот, опять все сразу... Ирина Петровна, я вас мучить не буду. Скажите только, как чувствует себя Рутефорд, и все?

Вера. Рутефорд?

Второй гость. Да...

Вера. Как чувствует?.. Да — ничего... Скрипит лонемножку.

Дядя Лёня отчаянно жестикулирует.

Второй гость. Как вы сказали? Скрипит? Это профессор Рутефорд скрипит?

Вера (зло). Да, да, скрипит! Я сама слышала!

Виктор Иванович. Простите, я ненадолго украду у вас Ирину Петровну.

Иван Николаевич. Ничего не поделаешь. Преимущество молодости.

Виктор Иванович отводит Веру в сторону.

Вера. Спасибо вам... Еще бы немножко и...

Виктор Иванович (улыбаясь). Еще немножко и был бы скандал?..

Вера (тихо, подавленно). Да...

Виктор Иванович. Я же вас знаю, Ирина.

Вера (встрепенувшись). Что?.. Как вы меня назвали?..

Виктор Иванович (удивленно). Ирина... (Смотрит на нее.) А что? Вы хотели, чтоб я сказал вам Ирина Петровна?

Вера (облегченно вздохнув). Ох, боже мой!.. Нет, нет, просто я подумала...

Виктор Иванович. Что вы подумали?

Вера. Ничего, ничего... (Весело.) Вы мне хотели что-то сказать?

Виктор Иванович. Нам надо выяснить наши отношения, Ирина, и для начала

я попробую дать вам настоящее представление о себе.

В е р а (искренно). Вот это хорошо...

Входит Второй гость, за ним озабоченный дядя Леня.

Виктор Иванович. Пройдем сюда...

Вера и Виктор Иванович скрываются за большой жардиньеркой с цветами, образующей как бы зимнюю беседку в глубине комнаты. Второй гость задумчиво стряхивает пепел в один из горшков. Дядя Леня подходит к нему.

Дядя Леня (мягко). Скажите, пожалуйста, вы знаете, где мы находимся?

Второй гость (запальчиво). Пожалуйста, без замечаний! Я всегда стряхиваю пепел в цветы! Об этом знают все, кроме вас!

Дядя Леня (смутившись). Что вы. Я совсем не в этом смысле. Я и не думал...

Второй гость. В следующий раз думайте! (Уходит. Подходит к Ивану Николаевичу.) Скажите, кто этот грубиян?

Иван Николаевич. Он пришел с Ириной Петровной. Кто-то из ее друзей.

Второй гость. Больше вопросов не имею!.. (Уходит к гостям.)

Дядя Леня пожимает плечами, отходит в сторону.

Виктор Иванович (появляется с Верой из-за жардиньерки). И вот, представьте себе, с таким характером я женюсь. Моя жена будет несчастная женщина.

Вера. Почему же?

Виктор Иванович. Ну поставьте себя на место этой страдальцы. Вот вы приходите домой с работы — а где супруг? Он на футболе. Как вы поступите? Естественно, вы проклянете его мальчишеские привычки и сядете обелать в печальном и тоскливом одиночестве.

Вера. Ничего подобного. Я вообще не буду заходить домой. Я прямо с работы тоже поеду на футбол.

Виктор Иванович. Вы на футбол? Вы?..

Вера (заметив призывные жесты дяди Лени). Извините, я на одну секунду...

Виктор Иванович. Пожалуйста. (Закуривает.)

Вера (подходит к дяде Лене, тихо). Ну, что вы узнали?

Дядя Ленья (так же). Понимаешь, какая петрушка — до сих пор не могу выяснить, где мы находимся.

Вера. А я чуть не запуталась совсем. Он (кивает в сторону Виктора Ивановича) вдруг начал выяснять какие-то отношения. Но сей-

час уже легче... По-моему, он очень, очень милый...

Дядя Леня. Ты с ума сошла! Ня в коем случае не смей с ним кокетничать! Одно я установил точно — знаешь, кто в этом доме имеет на тебя виды? То есть на Ирину Петровну...

Вера. Кто?

Дядя Леня (указывая глазами на вошедшего Ивана Николаевича). Он! Старик! Влюблен безумно! Это совершенно точно! Учти, а то ты на него совершенно не обращаешь внимания...

Вера. Но...

Подходит Виктор Иванович.

Дядя Леня (тихо). Учти!..

Виктор Иванович (улыбаясь). Вы разрешите?

Дядя Леня. Прошу! (Отходит)

Виктор Иванович. Итак, продолжим наш разговор.

Вера. Знаете... неудобно, что мы так уединились... Иван Николаевич!

Иван Николаевич (подходя). Что прикажете, дорогая?..

Вера (оживленно). Иван Николаевич, ми-

ленький, что это в самом деле все разговоры и разговоры... Скукота!.. Поставьте какую-нибудь пластиночку. У вас ведь есть радиола?..

Иван Николаевич (*удивлен*). Что?.. Вы просите песен?..

Вера (*кокетливо*). Нет, танцев! Мы с вами сейчас будем танцевать... Пойдите, я сейчас сама выберу что-нибудь веселенькое. (*Убегает к радиоле.*)

Иван Николаевич (*Виктору Ивановичу*). Ну-с! Что ты на это скажешь?..

Виктор Иванович. Я ничего не понимаю. Или она издевается над нами или ее просто подменили.. И самое ужасное то, что она мне начинает нравиться...

Иван Николаевич (*иронически*). Ничего, ничего! Это пройдет.

Музыка.

Вера (*подбегая*). Ну, Иван Николаевич, прошу!

Иван Николаевич (*смеясь*). Нет уж, увольте, дорогая. Я для этого староват... Передаю вас в более надежные руки. (*Виктору Ивановичу.*) Ну...

Виктор Иванович (*неуверенно*). Если вы не возражаете...

Вера. Что ж поделаешь. (*Начиная танцевать с Виктором Ивановичем.*) Но помните, Иван Николаевич, что я приглашала вас!

Иван Николаевич (*смеясь*). Помню и ценю...

Вера и Виктор Иванович танцуют. Вступает еще несколько пар.

Первый гость. Ущипните меня, друзья мои!

Второй гость. И рад бы, да не могу. И руки и ноги отнялись от удивления.

Первая гостья. И с какой грацией она танцует! Это уже не Лондон, это Париж!..

Дядя Леня (*подходит к Второй гостье*). Вы, я вижу, не танцуете? Знаете, Ирина Петровна мне рассказывала, что в Лондоне сейчас в моде новая игра — быстрые ответы.

Вторая гостья. Ах, как интересно! А как же играют?

Дядя Леня. Я задаю вопросы, а вы отвечаете не задерживаясь. Ну, начали! (*Быстро.*) Как вас зовут?..

Вторая гостья. Марина Ильинишна!
Дядя Леня (*быстро*). Как зовут вашего мужа?

Вторая гостья (*быстро*). Которого?

Дядя Леня. Пропускаем! Кто хозяин этого дома?

Вторая гостья. А вы разве не знаете?.. Как же вы сюда попали?

Дядя Леня. Нет, с вами невозможно играть! (Отходит.)

Виктор Иванович (танцуя). Ну вот, допустим я ваш муж.

Вера. Ни в коем случае! Я же вам сказала, что об этом не может быть и речи...

Виктор Иванович (обиженно). Почему?.. Это для меня новость!..

Вера. Слушайте музыку, вы сбиваетесь с такта. Вы не в моем вкусе. И потом мне нравится другой человек.

Виктор Иванович (начинает ревновать). Кто же?..

Вера. Это неважно!..

Танцуя, они удаляются. Дядя Леня, глядя им вслед, подходит к Ивану Николаевичу.

Дядя Леня. Послушайте, что этот парень так напирает на Ирину Петровну? Он просто дышать ей не дает. Он все-таки в обществе. Кто он такой вообще?

Иван Николаевич (улыбаясь). Начнем с того, что этот, как вы совершенно справедливо заметили, парень — мой сын.

Дядя Леня. Он ваш сын?

Иван Николаевич. Да.

Дядя Леня. Вы его отец?

Иван Николаевич. Да, поскольку он мой сын.

Дядя Леня. Вот так фунт!

Иван Николаевич. Я удивляюсь, что Ирина Петровна не познакомила вас как следует со своим будущим мужем.

Дядя Леня (*поражен*). Мужем?.. (*Спохватываясь*.) Да, да, припоминаю... Она мне что-то такое говорила... Так... так... Извините... (*Отходит*.)

Виктор Иванович (*явно ревнует*). Нет, вы все-таки скажите — кто этот человек? Я его знаю? Видел?

Вера. Да, конечно...

Дядя Леня. Извините, по французскому обычаю похищаю даму на ходу... (*Танцует с Верой*.)

Виктор Иванович. Но, позвольте...

Вера (*поняв*). Он прав, за границей так принято. Простите.

Виктор Иванович (*отцу*). Все ясно!.. Ты знаешь, почему она неизвестнаема?..

Иван Николаевич (*с интересом*). Ну, ну?..

Виктор Иванович (*горячо*). Ее пре-

образила любовь! Она влюблена! Она сама мне это сказала.

Иван Николаевич. Влюблена? Я надеюсь, в тебя?..

Виктор Иванович. Конечно, нет! Это чорт знает что!..

Иван Николаевич. Глупости!.. (*Иронически.*) Чего ты горячишься? Уж не ревнуешь ли ты?.. Какое тебе дело? Ведь ты же ее не любишь?..

Виктор Иванович. Ну да, конечно, я ее не люблю... Просто меня это возмущает!.. Вот и все!..

Иван Николаевич. Успокойся, Отелло... Мне кажется, что ты влюблен, как все влюбленные, сходишь с ума и видишь то, чего нет.

Отходят.

Вера. Я что-то ничего не понимаю. Кто же все-таки ее жених?

Дядя Леня. Боже мой, вот глупая! Все яснее ясного. Старик любит тебя, как папа, молодой любит тебя, как сын. Тьфу, то есть как жених. Ты обязана очаровать молодого, сына. Понятно?.. Фу-у, ну и попали мы в историю... Идем к нему, видишь, как он смотрит! Влюблен, как не знаю кто!

Вера. В меня?..

Дядя Леня. Не в тебя, а в Никитину, конечно...

Вера (*грустно*). Он такой славный...

Дядя Леня. Действуй! (*Отходит.*)

Вера (*садится в кресло*). Виктор Иванович...

Виктор Иванович (*подходит, сухо*). Что прикажете?.. (*Не выдержав тона, указывает глазами на дядю Леню.*) Это он?

Вера (*смеясь*). Вы с ума сошли! Я же шутила...

Виктор Иванович (*расцветает*). Шутили?.. Значит... значит, вы никого не любите?

Вера (*кокетливо*). Не совсем так. Но вы любопытны.

Виктор Иванович. Простите... (*Целует ей руку.*)

Вера (*отнимает руку*). Довольно!..

Виктор Иванович. Вам неприятно?

Вера. Нет, но...

Виктор Иванович. Я вас не понимаю.

Вера (*искренно*). И я тоже сама себя не понимаю... Поговорим о чем-нибудь другом.

Виктор Иванович. Простите, мне хочется говорить только о вас. У меня такое ощущение, как будто я впервые вижу вас. У вас новая для меня улыбка, новые нотки в голосе,

новые вкусы, так похожие на мои и так непохожие на ваши прежние...

Вера. Да?..

Виктор Иванович. Ну, конечно, разве вы сами не помните?

Вера. Нет, я помню, но...

Виктор Иванович. Но вам не хочется вспоминать? Я вас хорошо понимаю.

Первый гость. Ирина Петровна, вы так от нас не отделаетесь. Расскажите нам о своей работе. Ваши последние выводы произвели на всех нас просто потрясающее впечатление. Особенно теория...

Вера. Нет, нет!.. *(Видит рояль.)* Знаете что?.. Я... я вам лучше спою...

Немое изумление.

Дядя Леня *(выручая)*. В Лондоне очень принято теперь выступать в порядке самостоятельности. Этим увлекаются даже самые почтенные леди...

Виктор Иванович *(не веря себе)*. Вы поете?

Вера *(коротко)*. Пою!.. *(Садится за рояль.)*

Иван Николаевич *(Виктору Ивановичу)*. Что я тебе говорил!..

Вера поет свою песенку. Затем вступает Виктор Иванович. Мало-помалу припев подхватывают все гости.

(Песенка кончена. Общий восторг, крики «браво», аплодисменты.)

Виктор Иванович (Вера, влюбленно).
Вы чудесно поете!

Вера (так же). Вы тоже!..

Иван Николаевич. Ну, Ирина, не ожидал! Спасибо!.. (Тихо Виктору Ивановичу.)
Ну, кого она любит, Отелло?..

Виктор Иванович (счастливый). Она пошутила!..

Второй гость (упорно). А теперь... теперь все-таки скажите, Ирина Петровна...

Дядя Леня (поймав умоляющий взгляд Веры). Нет, нет! Программа только начинается. Сейчас я вам покажу несколько маленьких чудес. Прошу всех сюда... (Увлекает заинтересованных гостей в глубь сцены. Там показывает фокусы.)

Виктор Иванович (тихо). Ирина, никогда я не был так уверен в себе, в своих чувствах к вам, как сейчас. Я так давно не видел вас, мне так хорошо с вами. Мне так легко, так весело, как будто мы опять дети, опять дружим и ссоримся и жить не можем друг без друга. Я хочу сказать вам от всего сердца: будем всегда вместе. Довольно ждать, довольно испытывать друг друга... Будьте моей женой...

Вера. Нет, нет... Что вы!

Виктор Иванович (*подавлен*). Вы мне отказываете?

Вера. Нет, нет... Что вы!

Виктор Иванович. Значит, вы согласны?

Вера. Нет, нет... Что вы!

Виктор Иванович. Ирина, вы опять смеетесь надо мной. Что это значит? Я очень хочу понять ваш ответ...

Вера. Знаете... я вам отвечу завтра.

Виктор Иванович. Но почему завтра?

Вера. Я должна спросить... То есть... Одним словом, потому что не сегодня!..

Виктор Иванович. Но, Ирина...

Вера (*не сдержавшись*). Да что вы все Ирина, Ирина... Надоело!

Виктор Иванович. Но ведь это ваше имя... Как же мне называть вас?

Вера (*выпугиваясь*). Ирина — это так сухо, обычно... Так все меня называют...

Виктор Иванович. Так как же мне называть вас?..

Вера. Странно... Вы сами должны знать... Девочка... Верочка... (*Испугалась*.)

Виктор Иванович. Почему же вдруг Верочка?

Вера (*неловко*). Когда любят, не спрашивают почему. Слова сами просятся на язык...

Виктор Иванович. Но скажите... (Улыбаясь.) Верочка, почему вы откладываете ответ до завтра? Почему?..

Вера. Я сейчас не могу... (Встает.) И вообще мне пора...

Вокруг дяди Лени аплодисменты. Он кончил показывать фокусы.

(Ивану Николаевичу.) Извините, уже поздно... Спасибо за чудесный вечер...

Иван Николаевич. Чудесный благодаря вам, Ирина. Куда же вы?

Гости наперебой выражают свое восхищение и сожаление.

Вера. Нет, нет, нам пора!..

Виктор Иванович. Я отвезу вас домой.

Вера. Нет, нет... Что вы!..

Проходят в переднюю.

Виктор Иванович. Но почему? Нет, я вас привез, я вас и отвезу...

Вера. Пожалуйста, не надо. Очень вас прошу... Я хочу пройтись пешком... (Одевается.)

Виктор Иванович. Тем лучше... Я буду счастлив проводить вас.

Вера. Но...

Виктор Иванович. Црива... то есть нет, Верочка, вы меня обижаете. Неужели я вам так неприятен?

Вера. Нет, нет!.. Что вы!..

Виктор Иванович. Тогда прошу вас...
(Пропускает ее вперед.)

Выходят.

Дядя Леня (слышал весь разговор). Боже мой, он же отвезет ее к Никитиной!.. (Поспешно одевается.) Вот так фунт!

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина пятая

Квартира Никитиной. Поздний вечер. Комната залита лунным светом. У стола полупьяный Бубенцов и Маргарита Львовна. На столе пиво.

Маргарита Львовна (*поет весь последний куплет «Темной ночи»*). «И поэтому знаю, что со мной ничего не случится...»

Бубенцов. Да... именно... (*Пост.*) Темная ночь... ту-ру-ру-ру-та-ри-ра-ра-рум. (*Врет.*)

Маргарита Львовна. Как вы фальшивите, Базиль...

Бубенцов (*угрюмо*). Который раз прошу вас не обзывать меня Базилём!

Маргарита Львовна. Но это же красиво, Базиль.

Бубенцов. Опять?

Маргарита Львовна. Пардон.

Бубенцов. При чем тут пардон, не понимаю... (Пьет.)

Маргарита Львовна. Не будем ссориться... Посмотрите лучше, какая ночь... какая луна... Она, как золотой щит отважного рыцаря, он бьется в небесах за свою даму сердца... У вас есть дама сердца, Василий Наумович?

Бубенцов. Не знаю... (Пьет.)

Маргарита Львовна (вздыхая). Дама-то есть у вас, а вот сердца нет... Вы не рыцарь, Василий Наумович. Вы — циник.

Бубенцов. Неужели нельзя просто называть человека по имени?

Маргарита Львовна. Хорошо... хорошо...

Пауза.

Ну, как там в киностудии? Вы были там нынче?

Бубенцов (мрачно). Был. Первый и последний раз!

Маргарита Львовна. Почему же последний?

Бубенцов. Не сработался. Ушел по собственному желанию. Не признают научной точки. Ну и я тоже им показал. Ах, так? — говорю. Без научной базы? Ни черта у вас не получится! Разве такой бывает кабинет? Это курам насмех! Работать, так работать! А вы что делаете? Ухожу! Все! Они сразу: «Что вы, Василий Наумович, куда вы? Как же без вас, Василий Наумович?» Нет! Нет! Ухожу! Все! Я такой человек! (Пьет.)

Маргарита Львовна. Забудьте о ваших неприятностях. Посмотрите, какая луна...

Бубенцов. Луна, как луна... (пьет) круглая... (Пьет.)

Маргарита Львовна (пьет для храбрости). Василий Наумович, можно задать вам один вопрос?

Бубенцов. Нельзя! (Пьет.)

Маргарита Львовна. Ну, хорошо, тогда просто скажите: вы меня любите?

Бубенцов. Я подумаю...

Маргарита Львовна. Чего же тут думать? Или да, или нет.

Бубенцов. Вот я и подумаю: да или нет.

Маргарита Львовна. Неужели вам надо думать? Стыдись, Базиль!

Бубенцов. Еще один Базиль, и я уйду навсегда и навсегда.

Маргарита Львовна. О, не уходите...

Звонок.

Уходите, уходите скорей!.. Это она... *(Приблизится к столу.)*

Бубенцов. Пока... *(Убегает.)*

Маргарита Львовна уходит и возвращается с Никигиной.

Маргарита Львовна. Вот вы и пришли... *(Зажигает свет, опускает шторы.)* Вот и хорошо. *(Суетится и не смотрит на Никитину.)* Где ж вы так задержались?

Никитина *(томно)*. Где? Я сама не знаю... *(Подходит к зеркалу, напевает мстив песенки.)*

Маргарита Львовна. Что?... *(Обернулась, замерла.)*

Никитина. Маргарита Львовна, как по-вашему, похожа я на сушеную акулу?

Маргарита Львовна. Акулу?

Никитина. Да, сушеную. А как вам нравится моя новая прическа?

Маргарита Львовна. При-при-ческа?..

Никитина. Да, прическа. *(Оглядывается.)* Какая скучная у нас комната... Стол надо

поставить так. (*Передвигает.*) А здесь цветы...
Куда вы убрали цветы?

Маргарита Львовна (*типо*). Я?

Никитина. Да, вы. (*Напевает.*) Ну?

Маргарита Львовна (*Никитиной*).
Что такое с вами? Как вы себя чувствуете?

Никитина. Великолепно! Никогда мне не было так хорошо. Ну, что же вы молчите и не отвечаете на мои вопросы?

Маргарита Львовна. Простите, мне немного не по себе... Я пойду прилягу... (*Про себя.*) Ах, проклятое пиво, мне бог знает что мерещится... (*Уходит.*)

Никитина. Идите, идите... (*Одна.*) Я так давно не ходила ночью по улицам... Они совсем не такие, как днем. Луна совсем золотая, как большой желтый цветок... Я забыла, как юн называется... (*Напевает.*) Кажется, этот мотив он пел всю дорогу сюда... (*Подходит к роялю, пробует открыть.*) Что такое? Ах, да, он заперт. Куда я сунула ключ? Это было так давно... Кажется, там... (*Уходит в соседнюю комнату.*)

Звонок. Страшный вопль Маргариты Львовны. Пятясь, входит Маргарита Львовна, потом Вера.

Вера. Я напугала вас, мне так совестно...

Маргарита Львовна. Ничего, ничего... что вы, Ирина... пройдите к себе... я сейчас... ничего. *(Уходит в ужасе.)*

Вера смотрит ей вслед, пожимает плечами, стучит в дверь. Голос из-за двери: «Войдите!» Вера входит. Слышен неясный шум двух голосов в соседней комнате. Появляется Маргарита Львовна. Она в панике.

(Про себя). Сначала она пришла и я с ней разговаривала. Потом она опять пришла и я опять с ней разговаривала. *(Прислушивается к голосам.)* А теперь она с кем разговаривает? Сама с собой? *(Осторожно заглядывает в дверь и садится на пол.)* Ой, что тут делается!.. Вон она сама стоит у стола и разговаривает с собой, которая у окна. Хорошо, если я только пьяная, а то... *(грустно)* сойти с ума такой молодой... *(Смотрит.)* Сюда идет... *(Вскакивает и убегает.)*

Быстро входит Никитина.

Никитина *(гневно)*: Это невозможно! Я не могу! Я не хочу выходить за него замуж! *(Нервно шагает.)* Да, он мой друг, мой, если хотите, жених, но это еще ничего не решает. Зачем вы позволили ему целовать мою руку?

Теперь Виктор будет думать... Нет, я на вашем месте была гораздо благоразумнее. Судите сами... *(Уходит в комнату.)*

Снова неясный шум двух голосов. Входит Маргарита Львовна.

Маргарита Львовна. Ничего не было! Никто не приходил! Никого я не видела! Ни с кем не говорила! Сейчас погашу свет и буду спать. И больше ни капли пива за всю жизнь. *(Гасит свет.)* Взгляну еще разочек на луну... *(Поднимает шторы.)* А вдруг там две луны? *(Боязливо смотрит. Радостно.)* Одна! Одна! *(Робко.)* А там? *(Заглядывает в дверь, молча машет рукой и поспешно уходит.)*

Выбегает Вера.

Вера. Я позвоню ей... Боже мой, что вы наделали! Вы не знаете Людмилы Казимировны. Она меня съест! Зачем вы так говорили с ней? Я позвоню... нет, я боюсь ее... Ах!.. *(В отчаянии опускается на подоконник.)*

С папиросой выходит Никитина, садится в кресло спиной к залу, лицом к окну.

Никитина. Ну, какие пустяки..

В е р а. Для вас это, конечно, пустяки. А для меня вся жизнь в этом. Вы не можете себе представить, что такое для маленькой актрисы большая роль. Ведь это значит из статуи стать человеком. Это значит, что можно не только страдать и радоваться на сцене. Увлечь тысячи людей своей судьбой, наказать дурное, прославить хорошее. И когда замирает зал, чувствовать, какая волшебная сила искусство, какое счастье жить на сцене, какая радость делать свое дело. Что может быть выше, слаще, чудесней этого? Вам все пустяки... (Почти плачет.) Вы красивая, умная, он вас так любит...

Н и к и т и н а (взволнованно). Он?

В е р а. Ну да, Виктор Иванович... Боже мой, как мне не везет в жизни.

Н и к и т и н а. Вам нравится Виктор?

В е р а. Не знаю... может быть...

Н и к и т и н а. Так это же очень хорошо.

В е р а. Хорошо? Вы забываете, что он любит вас. Он не мне, а вам объяснялся в любви. Вам! Вам!

Н и к и т и н а. Не знаю...

В е р а. Боже мой, как все запуталось.

З А Н А В Е С

Картина шестая

Та же комната. Утро следующего дня. Пугливо озираясь, входит Маргарита Львовна с полотенцем на голове. Звонок. Она уходит. Вводит Виктора Ивановича и Аркадия Михайловича.

Маргарита Львовна. Вы извините, они еще спят.

Виктор Иванович. Они? Кто это они?

Маргарита Львовна. Ирина Петровна и...

Виктор Иванович. Ир..

Маргарита Львовна. И... Ирина Петровна...

Аркадий Михайлович. Боюсь, что вы тоже еще не проснулись, друг мой.

Маргарита Львовна. Да... нет... простите, мне нездоровится. (Уходит.)

Виктор Иванович. Да, видно, мы пришли слишком рано. (Про себя.) Как бы мне его выжить отсюда.

Аркадий Михайлович. Боюсь, что вы правы. (Про себя.) Как бы мне его убрать.

Виктор Иванович

(вместе).

Аркадий Михайлович

Простите...

Виктор Иванович. Я только хотел спросить: вы по личному делу?

Аркадий Михайлович. Нет, а вы по личному?

Виктор Иванович. О, нет, что вы.

Аркадий Михайлович. Я, пожалуй, зайду вечером. Неловко беспокоить. Не правда ли?

Виктор Иванович. Да, да, конечно. Пойдемте.

Уходят.

Выходит Маргарита Львовна.

Маргарита Львовна (оглядывается).
А где же?.. Что же это?..

Звонок. Маргарита Львовна уходит. Входит с Виктором Ивановичем.

Виктор Иванович (весело). Вот я и опять у вас.

Маргарита Львовна (неопределенно). Да, да... Конечно... очень рада. Здравствуйте, Виктор Иванович!

Виктор Иванович. Спокойной ночи, Маргарита Львовна! Спите, спите. (Смеется.) А вот Ирину Петровну я сейчас разбужу. (Идет к двери.)

Маргарита Львовна. Постойте, постойте! Что вы хотите делать?

Виктор Иванович. Хочу постучать в дверь и сказать: с добрым утром!

Маргарита Львовна. Видите... я не знаю... мне вчера показалось... да, да, конечно, показалось. Стучите!

Виктор Иванович (пожав плечами).
Ничего не понимаю. (Стучит.)

Дверь медленно открывается и появляется... дядя
Леня. Дикая визг Маргариты Львовны. Она
убегает.

(Ошеломлен, машинально.) Доброе утро.

Дядя Леня. Взаимно.

Виктор Иванович. Извините...

Дядя Леня. Пожалуйста.

Виктор Иванович (резко). Я думал,
что пришел слишком рано, но вижу, что при-
шел слишком поздно.

Дядя Леня. Нет, нет, вы пришли как
раз во-время.

Виктор Иванович. Да, как раз во-вре-
мя для того, чтобы уйти. (Идет к двери.)

Дядя Леня. Стоп, стоп, молодой человек!
Я хочу вам кое-что объяснить.

Виктор Иванович (не оборачиваясь).
А меня, знаете, подробности мало интересуют.

Из полуоткрытой двери выходит Никитина.

Никитина. Виктор!

Виктор Иванович (не обращившись).
Да?

Никитина. Вы могли бы все-таки поздороваться со мной.

Виктор Иванович (иронически).
Здравствуйте... Верочка.

Никитина. Что такое?

Дядя Леня. Как, вы знаете?

Виктор Иванович. Да, я знаю, что со вчерашнего дня Ирина Петровна Никитина, доктор физических наук и личность недоступная для земных чувств, любит, когда знакомые мужчины называют ее Верочкой. Вам, я вижу, это также известно?

Никитина. Вот что, Виктор, забудьте все, что я вам говорила вчера. Я за эти слова не отвечаю.

Виктор Иванович. Это что, издевательство? Насмешка?

Никитина. Нет, нет, что вы...

Виктор Иванович. Опять! Я не знаю, какой бес кокетства заставляет вас так поступать со мной! Но я не желаю быть жертвой ваших первых опытов! Я не кролик! Слышите?

Никитина (резко). Как вы смеете!

Виктор Иванович. Вот, вот... теперь я вас узнаю... Знакомый голос, знакомый тон,

знакомый взгляд... Здравствуйте, Ирина Петровна!

Никитина (мягче). Забудьте то, что было вчера.

Виктор Иванович. Как это мило! Вчера вы кокетничали со мной весь вечер, сегодня просите забыть то, что было вчера, а завтра опять будете улыбаться и очаровывать? Я бы хотел понять ваше вчерашнее поведение и причину вашей неразлучности с этим господином.

Никитина. Вижу сама, сегодня я вас не очаровала. Причина очень проста — я не была у вас вчера, Виктор!

Виктор Иванович (резко). Ах, вот как? Действительно, все очень просто: вы не были у нас вчера, я не был у вас сегодня, вы не вы, я не я, но я не такой идиот, как вы думаете. Всего доброго! (Быстро уходит.)

Никитина. Виктор! Подождите! (Дяде Лене.) Вот видите, что вы наделали!

Дядя Ленья (на бегу). Вернем! Сейчас будет тут! Я отвечаю! (Убежал.)

Никитина. Извольте тут объясняться! Он, видно, без ума от нее... Очарован... (Подходит к зеркалу.) Да-с, Ирина Петровна... вам очаровать будет куда труднее... Ведь вы, извините, сушеная акула... И нечего улыбаться... Совершенно неуместное веселье в вашем идиог-

ском положении. Вот вам! (Показывает своему отражению язык.)

В это время робко выглядывает Маргарита Львовна и ошеломленная увиденным исчезает. Звонок.

Никитина. Виктор? (Быстро идет и встречается с Бубенцовым.)

Бубенцов. Дверь открыта, но звонил для порядку. Здравствуйте, Ирина Петровна! Разрешите сигнализировать.

Никитина. Что такое?

Бубенцов. Я вчера был на кинофабрике, совершенно случайно. Вопиющее безобразие! Пригласили нахальную артистку, делают на вас пасквиль..

Никитина. Не пасквиль, а пáсквиль! Я же вам сказала вчера.

Бубенцов отступает.

Ну, чего вы замолчали? Сигнализируйте дальше.

Бубенцов. Вы! Я! Нет, ничего... Я извиняюсь, то есть я извиняюсь, я извиняюсь! (Пятясь, уходит.)

Никитина смеется. Входит Аркадий Михайлович.

Аркадий Михайлович. Добрый день! Вы разрешите?

Никитина (надвигает очки). Да, пожалуй ста. (Смущенно.) Здравствуйте!

Аркадий Михайлович. Это невероятно, как она на вас похожа!

Никитина хочет что-то сказать.

Я знаю! Вы очень заняты, вы серьезный человек и не желаете заниматься побасенками. Кроме того, вы убеждены, что я самодовольный нахал и невежда. Все знаю.

Никитина. Но, позвольте...

Аркадий Михайлович. Да, да, вас ждут, к вам должны притти, я вас задерживаю, понятно. Но тем не менее я хочу, я требую, чтобы вы помогли мне сделать настоящую картину. Я должен понять вас, изучить и показать такой, чтобы весь мир полюбил вас и страну, которая воспитывает таких людей. Я нашел актрису с абсолютно вашей внешностью, талантливую, умную, обаятельную (улыбаясь) и еще более настойчивую, чем я. Она заставила меня все передумать снова. И теперь я влюблен!

Никитина. В нее?

Аркадий Михайлович. В вас!

Никитина. В меня?!

Аркадий Михайлович. Не пугайтесь, не в вас лично, а в образ, в этот образ, кото-

рый мы создадим. Вы должны нам помочь сделать фильм об ученой, вдохновенной и настойчивой, о смелом новаторе, о войне-участнике большой войны за счастье людей. А самое главное, это будет фильм о человеке. Понимаете, это труднее всего. Показать ученого только в лаборатории, только на кафедре — это фотография, нет ничего проще. Я хочу показать человека, живущего красивой жизнью, влюбленного в красоту, в радость весеннего утра, в горячий свет солнца, в пение птиц, в тысячи разных вещей. С таким человеком легче дышится, лучше работается, веселее смеется.

Никитина (смущенно). К сожалению, я очень далека от этого идеала... (шутливо) и потом вы забыли еще одно мое существенное качество.

Аркадий Михайлович. Какое же?

Никитина. Да ведь я, как вы говорили, сушеная акула.

Аркадий Михайлович. Что, что? (Поражен.)

Никитина (снимает очки). Эх, Аркадий Михайлович, вы ведь режиссер, вы должны бы отличаться большой наблюдательностью.

Аркадий Михайлович. Вера Георгиевна? Шатрова? Что вы тут делаете?

Никитина. Станный вопрос! Я у себя

дома! И меня зовут не Вера Георгиевна, а Ирина Петровна, ледяная сосулька, таблица логарифмов в юбке. Да, да...

Аркадий Михайлович (изумленно).
Это были... вы?!

Никитина. Да, вчера в киностудии была я. Шатрова умоляла меня поехать вместо нее. Ей это было необходимо. Не знаю, почему я согласилась. Может быть, потому, что она плакала. А может быть, просто захотелось узнать, как собирается показать меня самоуверенный молодой человек. Мне сказали, что нужно только слушать сценарий.

Аркадий Михайлович. Боже мой, что я с вами вчера делал! И вы все терпели. Почему?

Никитина. Вы сами признаете, что это было полезно для вас. А потом это оказалось полезным и для меня. Видимо, каждому человеку очень не вредно знать, что о нем думают на самом деле, и я вам очень благодарна.

Аркадий Михайлович. Это непростительная шутка! Непростительная и жестокая.

Никитина. Почему жестокая?

Аркадий Михайлович. Вы очень искусно притворялись. Наша ночная прогулка после репетиции, наш разговор... Вы сыграли это очень натурально. Bravo!

Никитина. Но это была правда.

Аркадий Михайлович. Да, да, конечно! Как и все остальное. А я-то старался, я-то...

Никитина. Но ведь это была только режиссерская задача? Урок? Не так ли?

Аркадий Михайлович. О да, это был хороший урок... мне!

Никитина. И мне тоже. Все, что было вчера после репетиции, все было правдой. Кроме имени. Оба получили хороший урок. Мы — квиты. Мир? *(Протягивает ему руку.)*

Аркадий Михайлович *(целует руку)*.
Мир.

Звонок, пробегает Маргарита Львовна, видит, как целуют руку.

Никитина. Это, наверно, Виктор. Идемте в сад! Ну! Скорей! *(Берет его за руку и бежит через террасу в сад.)*

В страхе пробегает обратно Маргарита Львовна. Входят Вера и Иван Николаевич.

Иван Николаевич. Вы как будто не рады видеть меня, Ирина?

Вера. Нет, нет... что вы... Я очень рада. *(Снимает плащ.)*

Иван Николаевич. Вчера нам не уда-

лось потолковать по душам. Гости... то да се. Я очень рад, что встретил вас... *(Берет ее за руку. Мягко.)* Ирина, у вас никогда не было секретов от меня. Вы догадываетесь, о чем я хочу говорить с вами?

Вера *(искренно)*. Нет... не догадываюсь...

Иван Николаевич. Виктор...

Звонок. Маргарита Львовна бежит открывать, дико смотрит на входящего в третий раз Виктора Ивановича и дядю Леню. Уходит.

(Тихо.) Легок на помине.

Дядя Леня *(победно)*. Ирина Петровна, притащил беглеца! Просил, умолял, не действует. При всем честном народе, среди бела дня встал на колени. Прошиб. *(Ивану Николаевичу.)* А, и вы здесь. Привет!

Иван Николаевич. Что это значит? Виктор, что ты молчишь?

Виктор Иванович. Я уже все сказал Ирине Петровне. И, кроме того, я не терплю скандалов на улице. *(Дяде Лене.)* А с вами у меня будет особый разговор.

Дядя Леня. Голубчик, через минуту вы на меня молиться будете.

Виктор Иванович. Через минуту меня здесь не будет. И не бегите за мной, слышите! А то и вас не будет!

Иван Николаевич. Ирина! Виктор всегда был мальчишкой. Но вы, конечно, не сердитесь на него? Что тут произошло?

Вера. Мне совестно, но я... я не Ирина.

Дядя Леня. Верочка! (Хохочет.)

Иван Николаевич. Вы не... (Изумлен.)
Что с вами, Ирина?

Вера. Простите, но я не Ирина... Я же сказала.

Виктор Иванович (взрываясь). Конечно, вчера вы не были у нас, а сегодня вы уже не вы! Кто из нас сошел с ума, хотел бы я знать?

Вера. Извините, вчера я у вас была.

Виктор Иванович. Ах, теперь вы уже были? Значит, меня не было? А?

Вера. Нет... вы были... И я была, а Ирины Петровны не было.

Иван Николаевич. Ирина, вы больны... успокойтесь...

Дядя Леня. Она не больна и не Ирина! Это Вера Шатрова, актриса, играющая Никитину в кино. Она ни в чем не виновата. (Виктору Ивановичу.) Это вы силой потащили нас вчера в гости. Мы тоже не любим скандалов на улице!

Отец и сын ошеломленно смотрят на Веру.

В е р а. Умоляю вас, поверьте, что сейчас мне больно и стыдно за мое вчерашнее поведение. (Виктору Ивановичу.) Я не должна была играть вашими чувствами (тихо), но я уже наказана и жестоко...

В и к т о р И в а н о в и ч (горячо). Я это чувствовал! Можно обмануть зрение, слух, память — все, но не сердце. Когда я говорил с Ириной, сердце молчало, а сейчас...

Пауза.

Д я д я Л е н я (тихо). Иван Николаевич, на пару слов.

И в а н Н и к о л а е в и ч (тихо). Я бы хотел все-таки понять...

Д я д я Л е н я (уводя его). Я вам все объясню...

Уходят в соседнюю комнату.

В и к т о р И в а н о в и ч. Вера Георгиевна, это, конечно, смешно... Мы только что познакомились... Но я прошу об одном — позвольте мне надеяться.

В е р а. Я не могу вам этого запретить, но вы разочаруетесь. Я не Ирина Петровна. Я очень глупая и совсем не знаменитая.

В и к т о р И в а н о в и ч. Верочка, вы совсем не глупая...

В е р а. Нет, нет, не надо меня так называть.
В и к т о р И в а н о в и ч. Вы сами это пред-
ложили вчера.

Звонок.

Умоляю вас, выйдем на улицу. Тут нам поме-
шают.

В е р а. Нет, что вы... что вы...

В и к т о р И в а н о в и ч. Опять? *(Берет ее
под руку.)* На пять минут.

Уходят. Врывается Бубенцов. Навстречу идет
Маргарита Львовна.

Бубенцов *(пьян)*. Маргарита Львовна,
вы змея!

Маргарита Львовна. Базиль, что с
вами?

Бубенцов. Змея! Змея! Это вы сказали
Никитиной вчера, что я пошел в киностудию?
Меня везде уволят!

Маргарита Львовна. Базиль, вы за-
бываетесь!

Бубенцов. Молчать! Дайте пива! Я не-
счастный человек. А вы кик-мора! Нет, вы ки-
кимора! Вот кто вы!

Маргарита Львовна. Пусть слепая
страсть затуманила мой рассудок, но после
темной ночи рассвет наступил. Я прозрела...

Конец всему! Все разбито и черепков не склеить!

Бубенцов. Чего? Чего? Змея!

Маргарита Львовна (разъярясь).
Убирайтесь вон!

Бубенцов. Понятно! Пока! (Уходя.) Базиль! Тьфу! (Ушел.)

Маргарита Львовна. Так разлетаются мечты. (Уходит.)

Входят дядя Леня и Иван Николаевич.

Иван Николаевич. Извините, вы меня совсем сбили с толку... Не откажите в любезности излагать последовательно.

Дядя Леня. Сейчас... Видите ли, дело в том, что Верочка очень талантливая актриса, но тут уже не игра. Она всерьез, сразу влюбилась в вашего сына. Я сам понял это только здесь.

Иван Николаевич. Насколько я понимаю, это конец истории. А я хотел бы знать ее начало.

Дядя Леня. Сейчас... Вы не думайте только, что она его недостойна. Она, действительно, большой талант, чудесный человек, чистая, доверчивая натура. И мать ее, моя покойная сестра, была такая же.

Иван Николаевич. Сначала я все-таки просил бы...

Входят поющие, счастливые Никитина и Аркадий Михайлович.

Никитина. Иван Николаевич! Милый!
(Обнимает его, целует.)

Иван Николаевич. Простите, Вера... э... Георгиевна, чему я обязан?

Никитина. Как вам не совестно! Вы меня не узнали? Это же я — ваша Ирина. (Смеется.)

Иван Николаевич. Я не узнал вас вчера потому, что это были не вы. Сегодня я не узнаю вас по той же причине. Вы поете, смеетесь, целуетесь... Произошло чудо!

Никитина. Да, произошло чудо. И вот кто его совершил! (Указывает на Аркадия Михайловича.) Познакомьтесь, мой новый друг!

Аркадий Михайлович (пожимая руку Ивана Николаевича). Очень приятно, но чудо совершил не я. Автор чуда вот! (Указывая на дядю Леню.) Он все придумал.

Дядя Леня. Извините, автор чуда сама Ирина Петровна. Если бы она не поехала в студию и не вела себя так мужественно, что я чуть не умер от разрыва сердца, ничего бы и не было.

Никитина. Тогда, значит, автор чуда Вера Георгиевна. Она заставила меня поехать, и я до сих пор не могу понять как. И потом она покорила всех вчера у вас, Иван Николаевич.

Иван Николаевич. Друзья мои, боюсь, что у этого чуда нет автора или, вернее, авторы — вы все и сама жизнь.

Аркадий Михайлович. Вы проавы. И какую картину можно из этого сделать!

Дядя Леня. А какую пьесу можно написать! Но только никто не поверит.

Никитина. Да, да, скажут, что я не могла быть такой, какой была, и стать такой, какой я стала. Что все это не типично. Что это не может быть с каждым.

Аркадий Михайлович. А «Человек-невидимка» Уэльса — это массовое явление? А в пьесе Мольера «Амфитрион» боги спускаются на землю и становятся двойниками людей — это что, типично?

Дядя Леня. Вот вам и скажут. Ну, то Уэльс, то Мольер! И потом, разве можно, чтобы советский ученый Никитина обманула общественность киностудии, назвавшись Шатровой?

Никитина. Но я ведь никого не обманывала. Я сразу сказала, что я — Никитина. А

мне никто не поверил. Решили, что я вошла в роль.

Иван Николаевич. Ну, допустим. Но кто поверит, что может быть такой профессор, как я? У меня нет бороды, я не одеваю чужих калош, я не перестраиваюсь, не щеголяю латинскими цитатами и не произношу при всяком удобном случае скучных речей.

Аркадий Михайлович. А мы целый акт отведем на вашу вступительную лекцию или можете в антрактах перестраиваться в фойе перед публикой.

Иван Николаевич. Но это же неинтересно. В театр ходят, чтобы отдохнуть.

Аркадий Михайлович. Ничего, мы назовем это разумным отдыхом. А если не будут смеяться на смешных местах, скажем, что мы против зубоскальства.

Дядя Леня. А самое главное, нам скажут: а где же работа? Что делают ваши люди?

Аркадий Михайлович. Позвольте, но ведь все мы, каждый в своей области, работаем. Иван Николаевич и Ирина Петровна — в своем институте, я — в студии, вы, дядя Леня, и Шатрова — в театре. Ведь так?

Дядя Леня. Вот вы и покажите это. Да поподробнее.

Аркадий Михайлович. Но это бу-

дет совсем другая пьеса. А я хочу сделать волшебную комедию о двойниках. Легкую, веселую, стремительную. Чтобы человек, приехавший из армии, человек, пришедший с завода, мог посмеяться от души, мог отдохнуть и рассеяться. Разве это плохо?

Никитина. Сделайте это! И пусть Шатрова играет главную роль!

Аркадий Михайлович. Вы думаете она справится с тем, что я задумал?

Никитина. Справится. Она талантливый человек, и я ей помогу в том, чего она не знает.

Дядя Леня. Конечно, она справится. Ведь в театре ей тоже дают сейчас главную роль.

Никитина. А эта ваша... Людмила Казимировна? Она что?

Дядя Леня. Понимаете, все думали, что она будет беситься, но она вдруг стала тише воды, ниже травы. Она сделала такое вот лицо и сказала: «Я поддерживаю! Я уступаю дорогу молодежи!»

Никитина. Но ведь я ее вчера так обидела.

Дядя Леня. В том-то и дело. Оказывается, она испугалась. Когда я забежал вчера за Верой в театр, она зажала меня в угол и стала допрашивать: почему Шатрова так уверенно держится? Нет ли у нее высокой поддержки?

Кто ее знакомые? Она не представляет себе, что человек просто может высказать свое огкровенное мнение о ней.

Аркадий Михайлович. Это все престно. А вот как мы назовем нашу вещь?

Иван Николаевич. Надо как-нибудь посolidнее. Ну, скажем, «Еще к вопросу о двойниках». А?

Дядя Лeня. Нет, уж тогда повеселее как-нибудь. М... м... вот: «Два саяюга — пара». Чудное названьице для легкой вещицы.

Никитина. Это что же, я — сапог?

Дядя Лeня. Нет, нет, извините, действительно... это я — сапог.

Аркадий Михайлович. Есть! Готово! Мы назовем это «Звезда экрана».

Дядя Лeня. Название хорошее. Но оно как бы ни к чему.

Аркадий Михайлович. Неверно, другой. Будем надеяться, что в результате этой истории и этой вещи наша Шатрова станет в конце концов звездой.

Никитина. Значит, «Звезда экрана». И обязательно, чтоб была там ваша песенка! (Садится за рояль, играет.)

Аркадий Михайлович, а за ним и остальные начинают петь все ту же песенку. Звонок. Маргарита Львовна проходит открывать. С ужасом впускает

Веру и Виктора Ивановича. Дико смотрит на Никитину. Дядя Леня шепчет ей объяснение и успокаивает ее.

Никитина (входящим). Пойте! Пойте!

Виктор Иванович быстро ведет Веру к роялю и усаживает рядом с Никитиной. Вера и Никитина играют в четыре руки. Входит Бубенцов.

Бубенцов (дико). Что это? Как? Все двойся!

Дядя Леня. Чш-ш... тише! Не пугайтесь. Они просто очень похожи.

Бубенцов (отчаянно). Как? Все четыре?

З А Н А В Е С

4 p. 25 к.

